

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВКУСИ ЯБЛОКО
РАЗДОРА ЭРИДЫ

The Eris Apphia

DARK ACADEMY ROMANCE
ДАРИЯ ЭССЕС

Дария Эссес Эрида

<https://litres.ru/74596352>

SelfPub; 2026

Аннотация

ТАТУМ

Днем я была студенткой престижной академии Англии. Ночью — серийной убийцей, которая давно перестала чувствовать. Пока однажды моим новым профессором не стал он — Алистер Тюдор. Все факты указывали на то, что он имеет отношение к тайному обществу, которое занимается торговлей людьми. Поэтому я решила завоевать его доверие, после чего уничтожить раз и навсегда. Однако не учла одного: чем ближе я подбиралась к Алистеру, тем сильнее мне казалось, что охотник здесь вовсе не я.

АЛИСТЕР

Мсть двигала мной многие годы, и именно мсть привела меня в Таннери-Хиллс. Я должен был убить свою студентку, Татум Виндзор, чтобы поставить точку в событиях двадцатилетней давности. Вот только с каждым днем одержимость ей пожирала меня изнутри, превращаясь во что-то более глубокое. Мы оба знали, чем должна закончиться эта история. Проблема заключалась лишь в том, что никто не планировал влюбляться в свою жертву.

Содержание

Обращение от автора	4
Посвящается	6
Плейлист	7
Пролог	8
Часть 1. Глава 1	27
Глава 2	45
Глава 3	54
Глава 4	68
Глава 5	90
Глава 6	113
Глава 7	122
Глава 8	139
Глава 9	153
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Эрида

Обращение от автора

Привет, дорогой читатель! «Эрида» — *третья часть* цикла «Круг Данте», читать который стоит строго по порядку. Каждая книга посвящена одной паре, но сюжет в них единый. Чтобы не запутаться и не потерять нить повествования, убедительно прошу тебя знакомиться с историей в правильной последовательности.

#1 — Пандора

#2 — Афродита

#3 — Эрида

#4 — ...

#5 — ...

Все персонажи и события вымышлены, а совпадения — случайны. Пожалуйста, обрати внимание на то, что перед тобой темный роман. В нем присутствуют темы, которые могут тебя расстроить. Психическое здоровье важно, поэтому прилагаю список триггеров:

- главная героиня — серийная убийца;
- разница в возрасте (8 лет);
- сталкинг;
- игры с пистолетом и ножом;
- игры с кровью;

- вуайеризм / эксбиционизм;
- первобытная игра;
- карцерофобия (страх тюремного заключения);
- алкогольная зависимость;
- сексуальное насилие над главной героиней (не со стороны главного героя);
- депрессивное расстройство (у второстепенного героя);
- потеря близких;
- физическое и моральное насилие со стороны родителей;
- графическое описание убийств и пыток.

Посвящается

*каждой девушке,
которая прячет за кровоточащими шипами ранимую ду-
шу.*

Плейлист

Lana Del Ray — Serial Killer

Bad Omens — THE DEATH OF PEACE OF MIND

Melanie Martinez — Teacher`s Pet

Ally Nicholas — Killing

Deftones — Change (In the House of Files)

Paramore — Decode

K.Flax — Giver

Bad Omens — Just Pretend

CHVRCHES, Robert Smith — How Not To Drown

Melanie Martinez — Mrs. Potato Head

Deftones — Rosemary

Bad Omens — Specter

Feist — My Moon My Man

K.Flax — Blood In The Cut

Пролог

Несколько месяцев назад

Чертовски скучный день.

Бар на элитной стороне Таннери-Хиллс содрогался от звуков рок-музыки, пока Малакай Стикс гипнотизировал толпу своим голосом. Точнее, Картрайт — простите меня за маленькую оплошность.

Признаться честно, я бы предпочел засунуть руку в террариум с ядовитыми змеями, чем находиться в этом месте.

Неискренний смех охотниц за бриллиантами, что кружили рядом с миллиардерами, заставлял меня раздражаться, а виски, вдобавок ко всему прочему, пульсировали от тяжелых басов.

Не поймите меня неправильно: когда-то я любил вечеринки, но в свои двадцать восемь лет выбирал убийства и разовый секс, который хоть немного снимал напряжение.

С каждым годом всё становилось слишком... *скучным*.

Скучные разговоры.

Скучные женщины.

Скучные города.

Когда ты облетел весь мир и видел всё, что только можно, начиная от массовых убийств и заканчивая оргиями с последующим расчленением, обычный вечер в баре становился...

Мягко говоря, неприятной рутинной.

Незнакомые девушки стреляли в меня взглядами, соблазнительно покачивая бедрами, пока я сидел за барной стойкой и отпивал из стакана бурбон, притупляющий чувства. Директора известных компаний проводили деловые встречи, скрываясь за баснословно дорогими пиджаками, ведь никто не догадается, что в таком месте торгуют наркотиками, верно?

Ничего интересного.

Таннери-Хиллс был большим муравейником, где сплетни распространялись со сверхзвуковой скоростью, поэтому по городу уже пошел слух, что вскоре я стану преподавать в академии Золотого Креста.

Вернувшись сюда из Лондона, мне пришлось выйти из тени.

Светские львицы не переставали знакомиться со мной на

званных ужинах, особенно когда замечали шрам, пересекающий мой глаз, и понимали, кто перед ними стоит.

На одном из таких мероприятий Элизабет Уильямс, жена входящего в совет Гидеона Уильямса, предложила мне весело провести ночь.

Если *весело* не подразумевало под собой ее предсмертные крики, то я вне игры.

Подайте на меня в суд.

Постучав пальцами по барной стойке, я сделал еще один медленный глоток и оглядел танцпол.

Вдалеке мелькнули знакомые лица. Я не помнил их имен, но это были дети семей-основателей — сыновья Ротшильдов, Шепардов и дочь Ван Дер Майерсов. Второй Картрайт кружил ее в танце, но наследницы Милосских с ними не было. Как говорили СМИ, она улетела во Францию.

За ними стоило наблюдать с особой скрупулезностью.

Они копали под Круг Данте и могли помешать моим планам. Не хотелось бы лишать жизни своих студентов, но послушайте — разве меня это волновало?

Одним больше, одним меньше.

— Повторить?

Я перевел утомленный взгляд на девушку-бармена, невинно хлопающую ресницами. Она мягко улыбнулась и прикусила губу, смотря на меня с вожделением в темно-карих глазах.

Протянув пустой стакан, я даже чересчур учтиво ответил:

— Буду благодарен.

— Вы ведь Алистер Тюдор, верно? — спросила она, потянувшись за бутылкой «Jack Daniel's». — Мы как-то встречались с вами в Лондоне. Моя семья обращалась за услугами в компанию вашего отца. Вы меня помните?

— Тяжело забыть такую красивую девушку.

Кто это?

Я не входил в число ублюдков, которые не помнили имена тех, кто согревал их постель, но ее лицо никак не хотело всплывать в моей памяти.

Говоря честно, я был довольно обходителен — перед тем, как выпроводить очередную девушку, дарил ей столько оргазмов, что она еще пару месяцев умоляла о добавке.

Прелести одинокой жизни.

Бармен зарделась, отчего по ее шее поползли красные пятна.

— Вы открыли передо мной дверь, предложили кофе и вели себя как настоящий джентльмен. Если честно, я хотела попросить номер вашего телефона, но мне стало неловко. — Она тихо засмеялась и наполнила мой стакан. — Редко встретишь таких... ЭМ-М-М... таких влиятельных мужчин, как вы.

Таких влиятельных мужчин, которые имеют трастовый фонд размером с годовые доходы всего Таннери-Хиллс, несколько личных яхт, самолетов и загородных особняков.

Стоило отдать ей должное: по всей видимости, она заин-

тересовалась не моим капиталом, а возможностью хорошо потрахаться. Об этом говорил ее застенчивый взгляд, скользкий по моему телу.

Печально, но меня не привлекал такой типаж.

Слишком скучный.

— Я бы с удовольствием пообщался с вами этим вечером, но, к сожалению, у меня назначена встреча, — ответил тем же сдержанным тоном, опустив взгляд на наручные часы.

— Может, на следующей неделе...

Ее прервал чей-то сумасшедший крик.

Именно сумасшедший, потому что девушка, запрыгнувшая на барную стойку, явно не отличалась здравомыслием.

— Эй вы, богатые ублюдки! Сейчас мамочка покажет, как правильно проводить выходные!

Я вздернул левую бровь, когда сероглазая блондинка в откровенной одежде захохотала и отпила водку прямо из бутылки.

Ее пошатывало из стороны в сторону, но она прошла по стойке в своих потрепанных ботинках, выдавших лучшие времена, отчего половина бара увидела ее нижнее белье.

Довольно скромное, на мой взгляд.

— Татум! Слезь оттуда, сейчас же!

Дочь Ван Дер Майерсов попыталась схватить ее за ногу, но она отмахнулась от нее, как от надоедливой мошки, и осмотрела сидящих за стойкой посетителей.

Меня — в том числе.

По лицу девушки расплылась предвкушающая улыбка, когда она направилась в мою сторону, как охотница, выбравшая жертву. Даже подвыпившая она двигалась с ленивой грацией, явно пользуясь своей привлекательностью, чтобы впечатлять мужчин.

Ботинки остановились напротив меня, и я откинулся назад, встретившись с ней взглядом.

— Три тысячи фунтов — и я подарю тебе приватный танец, — усмехнулась она и медленно опустилась на колени, отчего ее джинсовая юбка задралась.

Я поднес к губам стакан и, медленно отпив из него, перекатил во рту кубик льда.

— Обычно девушки танцуют для меня без дополнительной оплаты.

— Твой член настолько маленький, что за него даже стыдно платить? — пьяно фыркнула она. — Послушай, ты не расстраивайся. Это не главное в мужчине и всё в этом роде. Все давно знают: чем дороже костюм, тем беднее достоинство.

Я заинтересованно склонил голову набок.

Это та самая девушка, которая кричала на весь бар, что я дрочу на себя каждую пятницу, пока смотрю в зеркало? Кажется, она общалась с наследниками основателей и училась в Темном Кресте.

Занятный экземпляр.

Я отставил стакан и уперся локтями в барную стойку, из-за чего ее оголенный живот оказался напротив моего лица.

Она смотрела на меня сверху вниз с легкой ухмылкой, явно довольная своим выпадом.

— Так проверь.

Девушка непонимающе приподняла идеальную бровь.

— Проверить что?

— Проверь, правду ли говорят о мужских достоинствах в дорогих костюмах. — Я указал подбородком на свои раздвинутые бедра, не разрывая зрительного контакта. — Расстегни и посмотри. Думаю, зрителям это понравится больше, чем твои попытки не споткнуться и не разбить нос о стойку.

Светло-серые глаза, напоминающие две маленькие луны, вспыхнули огнем. Я каждой клеткой тела ощутил, как внутри нее разгорается гнев, перетекающий во что-то более темное и интенсивное.

— Я отлично танцую, ублюдоч.

— Танец уже закончился? — спросил я и незаинтересованно посмотрел на часы. — Пока что ты просто мешаешь мне разговаривать с девушкой за твоей спиной.

— С той самой, которую ты только что отшил? Плохие манеры вдобавок к маленькому члену. Вы падаете в моих глазах, профессор Тюдор.

— Не знал, что ты за мной следишь.

Она сладко улыбнулась.

— Хотела найти подходящий момент, чтобы воткнуть нож в твой глаз...

— Татум! — раздался откуда-то издалека возмущенный

крик. — Сколько раз повторять, что это наш профессор?

— Ну не мой же.

Ладно, признаюсь. Я бы провел с ней ночь.

Когда я впервые увидел эту девушку,двигающуюся под музыку на танцполе, мне бросилась в глаза ее необычная внешность. Пепельные волосы растрепались и спадали на изящные плечи, высокие скулы и глаза цвета грозового неба, блестящие от алкоголя, придавали чертам нотку дикости.

Ее красота была кричащей и необузданной, словно она родилась, чтобы поставить мир на колени. Если бы мне сказали, что у катастрофы может быть физическое воплощение, я бы сразу же представил перед глазами ее.

Татум.

Так назвала ее подруга.

Она выглядела как рождественский подарок, одетая в короткую джинсовую юбку, сетчатые колготки и кроваво-красный топ, через который проглядывались маленькие соски и... пирсинг? Я отчетливо видел два сердечка, украшающих металлическую штангу.

Даже не удивлен. Татум усердно хотела казаться плохой девочкой, о чем говорило лезвие, прикрепленное к ее бедру.

Я провел языком по верхним зубам.

Чертовски горячая.

Пока я разглядывал эту маленькую неприятность, Малакай Картрайт покинул сцену, и в баре раздались первые ноты песни *K.Flav — Giver*. Танцпол загудел от одобрительных

криков, а пространство залилось алым светом стробоскопов.

Растянув пухлые губы в улыбке, Татум откинула волосы за спину и развела бедра в стороны. Ее глаза вспыхнули недобрым блеском: в них зажглась идея, которая с вероятностью в девяносто девять процентов не придется мне по душе.

— Приятного просмотра.

Хорошо. Она хотела поиграть.

Может, этот вечер будет не таким скучным.

Кто-то рядом засвистел, когда Татум провела ладонями по стройным изгибам, подпевая словам песни.

Ее соблазнительный взгляд не отрывался от меня, пока я, сложив руки на груди, сохранял нейтральное выражение лица. Оно сопровождало меня каждый день, из-за чего многие думали, будто мои мимические мышцы потеряли чувствительность.

В принципе, они были не так уж далеки от правды.

Взмахнув волосами, Татум откинула голову назад и выгнула спину, отчего соски натянули ткань топа. Она произносила слова песни с такой чувственностью, как если бы они отражали ее сущность.

I got so much soul in my body

But no one keeping me honest

*And whole days turn into holes in my mind*¹.

За спиной одобрительно закричали, когда Татум поменяла положение и растянулась на стойке, подняв руки над го-

¹ Внутри моего тела так много спрятано,

ловой, словно приглашая зрителей к пиршеству. Ее движения отличались плавностью и чувственностью, как у дикой кошки, отчего член в брюках предательски напрягся.

Она танцевала так перед каждым встречным мужчиной?

Почему-то от этой мысли мне захотелось вырвать глаза всем, кто следил за ней с затаенной похотью во взгляде.

Представляю, сколько замужних миллиардеров уже нарисовали в голове картину, как забавляются с ней в постели.

Мало кому удавалось привлечь мое внимание, но сейчас я не мог перестать наблюдать за ее ритмичными покачиваниями бедер. Никакого стеснения, никаких рамок. Она полностью отдавалась музыке и гипнотизировала бар своими дымчатыми глазами, словно знала какую-то тайну.

На телефон пришло сообщение от человека, с которым у меня была назначена встреча, но я проигнорировал его.

Не сейчас.

Вновь упав на колени, Татум схватила меня за галстук и притянула к себе резким движением. Ее дыхание сбилось, сочная грудь поднималась и опадала то ли от танца, то ли от повисшего между нами напряжения.

Во мне вспыхнула искра чего-то...

Необъяснимого.

Она прижала губы к моему уху и хрипло прошептала:

— Поправьте брюки, профессор.

Уголок моего рта дрогнул в улыбке.

Татум пахла так, как я себе и представлял — резко и без

излишней сладости. Ее окутывал аромат табака, смешанный с ветивером и яблочным вином.

Втянув его поглубже, я облизнул нижнюю губу и заметил, как сужаются ее зрачки.

Мелодичный женский голос продолжал доноситься из колонок, но его заглушало наше дыхание. Мы смотрели друг другу в глаза — пристально, интенсивно, напряженно. Как если бы столкнулись на поле боя, победителем с которого выйдет лишь один из нас.

Она точно из Синнерса: представители аристократии не вели себя так раскрепощенно в местах, подобных этому. Ее острый взгляд и высокомерная ухмылка словно кричали: «Я лучше вас, богатые ублюдки».

*I got high hopes lots of potential
I'm high, broke, searching for symbols
And I will not let go of what is mine².*

Резко толкнув меня в грудь, Татум продолжила танцевать. Не знаю, распалило меня или рассердило то, что она перестала замечать меня, отдаваясь музыке.

Я смочил пересохшее горло бурбоном и крепче сжал стакан, когда кто-то попытался дотронуться до нее.

Татум отмахнулась от мужской руки и показала два средних пальца.

Хорошая девочка.

Когда прозвучали последние слова песни, она выхватила

² У меня большие ожидания, море возможностей,

из моей руки стакан и сделала большой глоток, разом допив содержимое. Затем стукнула им по стойке и усмехнулась, наклонившись так близко, что горячее дыхание опалило мои губы.

— Деньги оставь себе. Купишь еще один костюм.

Татум спрыгнула с барной стойки и исчезла в восторженной толпе.

Я задумчиво смотрел прямо перед собой, чувствуя странный импульс в груди.

Не тот, что я ощущал при виде привлекательных женщин — нет. Они часто заискивали передо мной, что наводило скуку, но вызов в глазах этой девушки коснулся темной части моей души, которую все старались избегать.

Я повернул голову и окинул танцпол неторопливым взглядом, но не нашел красной вспышки.

— Хорошее представление ты устроил в первый день приезда, Алистер.

При звуке этого голоса мои глаза закатились почти к затылку.

— Я надеялся, ты перепутаешь место встречи.

Дэмиен Вульф был на два года младше меня, и только его я мог сделать своим заместителем в лондонском филиале компании «Tudor Banking Corporation». Он приехал в Таннери-Хиллс вместе со мной: после того как я закончил Вестминстерский университет и взял на себя правление частью отцовской компании, параллельно верша возмездие за собы-

тия двадцатилетней давности, он ни разу не подорвал мое доверие.

Единственной причиной, по которой я хотел устранить Дэмиена от дел, был его антагонистичный характер. Этот парень заставлял мой глаз дергаться три раза в сутки. Это в три раза больше, чем обычно.

— Спешу напомнить, что ты не можешь трахать девушек на восемь лет младше тебя, — протянул он и провел ладонью по темным волосам, постриженным по-военному коротко, когда мы опустились на кожаные диваны в углу бара. — Тем более студенток из соседней академии. Винсент выпотрошит тебя и подвесит на твоих же внутренностях.

— Я никого не трахал.

— Ты делал это глазами, пока она крутила перед тобой своей аппетитной задницей.

Я вопросительно выгнул бровь.

— Она младше тебя на шесть лет.

— Меня это никогда не останавливало, — ухмыльнулся он.

Что ж, это правда. Дэмиен относился к тому типу людей, которым плевать на установленные правила — именно поэтому мы сошлись.

Он был олицетворением хаоса, за которым нужно следить днем и ночью. Особенно ночью, потому что в это время ему напрочь сносило голову.

Большую часть времени это утомляло. Мне хватало одно-

го брата, который не переставал выносить мне мозги.

— Последний раз, когда мы решили разделить девушку, обошлось даже без скандала, — напомнил мне Дэмиен. — Можем развлечься и с этой красоткой, тем более у нее точно нет обременительного обстоятельства под названием богатый папочка.

— Сосредоточься. И откуда ты знаешь, кто ее отец?

— Не будь таким занудой, Али. В этом городе так скучно, что я уже заказал нам братскую могилу, если умрем раньше времени.

— Ты умрешь раньше времени и лишишься должности, если не дашь мне имя. Я позвал тебя сюда для этого, а не ради группового секса.

Мимо прошла компания девушек, которая буквально раздевала нас взглядами. Дэмиен провел ладонью по подбородку, желая скрыть усмешку. Его янтарные глаза встретились с моими и загорелись от предвкушения.

— О, я многое успел о ней узнать. Думаю, тебе это понравится.

Как по команде с танцпола раздался чей-то крик:

— Драка! Там драка!

М-м-м, а вот и она.

Посетители расступились, благодаря чему я увидел, как Татум схватила за волосы какую-то незнакомую девушку и прижала к ее шее лезвие. Сквозь музыку раздался хрипловатый смех, отозвавшийся прямо в моем члене.

Ее голос напоминал голос сирены. Немного прокуренный, но всё еще мелодичный.

— Смотри-ка, твой котенок выпустил коготки, — улыбнулся Дэмиен, напоминая Чеширского Кота.

Я положил руку на спинку дивана и сделал глоток из вновь наполнившегося стакана.

Татум выделялась на фоне других девушек, совершенно не подходя этому месту, но от этого становясь еще более интригующей. К ней уже направлялась охрана, однако ее ничего не волновало. В серых глазах плескалась жажда насилия, приправленная ноткой чего-то более безумного.

— Думаю, сегодня звезды сошлись, — выдернув меня из мыслей, пропел Дэмиен и протянул папку с чьим-то делом.

— Ты нашел ее?

— Ты же знаешь: нет никого, кто может скрыться от меня.

Искра интереса заставила меня сразу же потянуться к документам. Мы искали дочь Рэтта несколько месяцев, но наткнулись на непробиваемые стены. Кровь забурила в венах от предвкушения, когда я понял, насколько близка последняя цель.

Открыв первую страницу, посмотрел на фотографию девушки.

Высокие скулы. Светлые волосы, отливающие пепельным. Серые глаза с подтеками туши и насмешливая улыбка на губах, которые мгновение назад сочились ядом в мою сторону.

— У него была другая фамилия, поэтому мы долго не

могли найти ее, — объяснил Дэмиен, сверкнув кровожадной улыбкой. — Она восхитительна, не правда ли?

Подняв взгляд на девушку на танцполе, я поднес стакан к губам.

И скрыл за ним маленькую улыбку.

— Какое приятное совпадение.

Дочь Рэтта Джинкс звали Татум Виндзор. Кто бы мог подумать, что вселенная столкнет нас в первый же день моего приезда в Таннери-Хиллс, да еще и таким образом.

Я не мог отрицать, что впервые за долгое время был заинтересован в убийстве. Обычно это происходило механически. Роботизировано. Безэмоционально, потому что я перестал получать удовольствие от чьей-либо смерти еще несколько лет назад.

Жертвы имели одинаковые лица, а их крики не отличались оригинальностью:

— *Помогите!*

— *Не убивай меня!*

— *Пожалуйста, я не виноват!*

Мне хотелось как можно быстрее оборвать их жизнь, поставив галочку напротив очередного имени, а потом заняться чем-то более важным — например, сыграть в бильярд или заключить сделку на миллиард фунтов.

Давние раны оставляли лишь отголосок боли. Если в первые годы после того, как правда вышла на поверхность, я от-

чаянно жаждал насладиться вкусом крови, то спустя время потерял интерес.

Ко всему, если говорить честно.

Однако сегодня, когда я тенью следовал за этой взбалмошной девчонкой, которая не умела вовремя прикусить язык, на место привычному безразличию пришло что-то новое.

Желание поиграть.

Мне даже не хотелось расправляться с ней быстрым и легким способом. Пока я двигался за Татум по темному переулку, в голове проигрывались самые извращенные способы убийств. Думаю, часть из них пришлась бы ей по душе.

Но почему-то она шла не в Синнерс.

Татум с хрустом кусала красное яблоко и весело напевала себе под нос, двигаясь по пустой улице элитной части города в другой одежде и, кажется, ботинках на несколько размеров больше нужного. Она постоянно поглядывала на время в телефоне, словно чего-то ждала.

Я скрылся за раскидистым деревом, когда глазам предстала интересная сцена.

Машина одного из прокуроров остановилась на подъездной дорожке, а Татум сделала вид, что теряет сознание. Мужчина озабоченно захлопотал вокруг нее и собрался вызвать скорую, но она сказала, что ей просто нужно немного воды.

Когда он забрался в машину, Татум последовала за ним. Дверь со щелчком закрылась.

В груди поднялось иррациональное чувство, напоминаю-

щее змею, урчащую от удовольствия, когда я увидел первый всплеск крови.

Ярко-алая жидкость заскользила по стеклам с внутренней стороны машины, пока в темноте мелькало лезвие ножа. Татум заносила его над головой и погружала в тело с особым рвением, словно от этого зависела ее жизнь.

Замах.

Удар.

Замах.

Удар.

Замах...

Насладиться представлением мне не дали: телефон в кармане завибрировал. Очень, блядь, вовремя. Я остановился на моменте, когда она перерезала ему горло.

— Ты немного мешаешь, Лучиано.

— Не трогай ее раньше времени, Алистер, — произнесли на другой стороне. — У этой девчонки есть то, что ты так долго искал.

Действительно?

— Не знаю, я рад или опечален этим фактом.

— Оставь свой сарказм, stronzo³, — проворчал по-итальянски дядя и затянулся сигаретой. — Это не телефонный разговор. Завтра буду в Англии, так что встретимся в офисе.

Хм, кажется, она облизнула лезвие ножа...

— Вообще-то, это ты мне позвонил.

³ Засранец (перевод с итальянского)

— Потому что Дэмиен сказал, что ты чуть ли не вприпрыжку погнался за дочерью Рэтта. Когда ты в таком настроении, мне приходится убирать за тобой беспорядок.

Член уплотнился в брюках, когда Татум положила ладонь на запотевшее окно и хрипло засмеялась, подрагивая от возбуждения.

Она была не только превосходна в гневе, но и умна. Надела перчатки, чтобы не оставлять отпечатков, сменила одежду и обула мужские ботинки.

Наша игра принимала всё более интересный оборот.

— Этот беспорядок я уберу сам.

Сбросив вызов, я включил камеру и направил ее на машину.

Мне понадобилась секунда, чтобы поймать ее с поличным.

Татум выбралась наружу и надела маску с красными крестами из «Судной ночи», но ее лицо успело попасть в кадр. На короткое мгновение, которое положило начало истории, что навечно запомнит вся Англия.

Потому что я нашел ее.

Серийную убийцу Таннери-Хиллс.

Часть 1. Глава 1

Настоящее время

Блядь, куда я попала?

В первый учебный день третьего курса мне совершенно не хотелось никуда ехать, но я собралась с силами, запрыгнула в разваливающийся автобус и добралась до Академии Золотого Креста, угрюмо хмурия брови.

Конечно, я и прежде была на территории, но внутри — никогда.

Не удивлюсь, если в этом месте несколько столетий назад жила королевская семья. Шпили готического замка устремились в налитые свинцом облака, а за кованными воротами простирался туманный лес. Внутри атмосфера была такой

же мрачной и таинственной — в особенности за счет встро-
енных в стены крестов, при виде которых я, признаюсь, вос-
торженно раскрыла рот.

Никогда не сталкивалась с таким богатством. Каждый
дюйм академии был пронизан элегантностью и изяществом,
поэтому неудивительно, что студенты самых известных ан-
глийских семей чувствовали себя здесь как рыбы в воде.

Идеально отглаженные рубашки, пиджаки с золотым сим-
волом учреждения, начищенные до блеска туфли и брилли-
анты, бриллианты, *мили* бриллиантов, которыми были уни-
заны шеи и запястья девушек.

Я опустила взгляд на свои потрепанные ботинки и скри-
вила губы.

Дерьмовая затея.

Мне никогда не удастся вписаться в их окружение, да еще
и проучиться два курса на хорошие оценки. В Темном Кре-
сте преподаватели радовались, когда мы не убивали студен-
тов и не устраивали поджоги, а здесь?

Один прокол — и меня выгонят, даже глазом не моргнув.

Но Леоно́р Монтгомери сделала это ради меня. Она отда-
ла мне часть своего наследства, полученного от погибших
родителей, и оплатила обучение в Золотом Кресте, несмотря
на все жестокие слова и поступки, которые я совершала в ее
сторону.

Я не могла вылететь отсюда как минимум ради нее, а как
максимум — ради себя.

Передо мной открылась возможность устроиться на высокооплачиваемую работу, помочь маме и позволить ей, наконец, не зависеть от Линкольна.

Для меня это намного важнее гордости.

Поэтому сегодня утром я даже не напилась. Понимаете, на какие жертвы я шла?

Подняв подбородок, я расправила плечи и двинулась к нужной аудитории.

— Только посмотрите, кто это тут у нас... — раздался позади знакомый голос. — Неужели сама Виндзор решила почтить нас своим присутствием?

— Иди нахуй, Кейдж.

Передо мной, загородив проход, остановилась высокая фигура. Бывший парень Дарси одарил меня снисходительной улыбкой, а двое его друзей окинули мое тело оценивающими взглядами.

— Можно один вопрос? Где ты нашла столько денег, чтобы учиться в самой престижной академии Англии?

Я лопнула пузырь из жвачки и сложила руки на груди.

— Можно один вопрос? Ты до сих пор сохнешь по Дарси? Боюсь, если я расскажу Бишопу, что ты заглядываешься на его девушку, он расчленит тебя и подвесит на крюках в своем подвале. Дай мне, блядь, пройти.

Вокруг послышались смешки. Студенты с интересом поглядывали на нас, пока Кейдж пытался сдержать нарастающий гнев.

Таких, как он, я знала вдоль и поперек. Внешне золотистые ретриверы, а внутри — настоящие чудовища, которые поднимают руку на женщин.

Бишоп рассказывал, как однажды Кейдж чуть не ударил Дарси в «Скорби Сатаны». Еще одно доказательство, что мужчины зря тратят кислород.

— Мой отец финансирует это место и весь Таннери-Хиллс, — прошипел он, наклонившись ко мне. — Долго ты здесь не продержишься, Грешница. Ваша сумасшедшая компания скоро окажется в тюрьме, а я стану тем, кто вынесет вам смертный приговор.

Я откинула голову и захохотала.

— Какой ты обиженный, Уильямс. Долго будешь прикрываться своим богатым папочкой?

Кейдж мрачно улыбнулся.

— Ну, он хотя бы не под землей.

В голове зазвенела тишина.

Я сделала медленный вдох.

Затем выдохнула.

Мы не можем просто так убить его, Татум.

Хотя ладно, можем.

Выхватив нож из-под пояса юбки, я бросилась на Кейджа и прижала лезвие к его шее. Он зажмурился и вскрикнул от страха, как визгливая девчонка.

О, как же я обожала эти звуки.

— Твоя власть ничто по сравнению с моей, потому что из

нас двоих именно я могу лишить тебя жизни, — прошипела я. — Не хватает шрамов на руках от Бишопа? Я добавлю еще один на твоем горле.

Нож опустился к его члену.

— Или начнем отсюда?..

— Мисс Виндзор! Мистер Уильямс! Что здесь происходит?

Чьи-то мужские руки оттащили меня от Кейджа. Встряхнув плечом, я развернулась и встретила с разгневанным взглядом директора де Кастро. Его усы дрожали от злости, а округлый живот натянул ткань рубашки, едва удерживающей хлипкие пуговицы.

Я и забыла, что в этом месте собрались все монстры.

Совсем недавно, когда мы оказались на аукционе Круга Данте, этот мужчина выкупил себе Эмму Карлтон — девушку, похищенную из Синнерса. Мне стоило титанических усилий не перерезать ему горло и не добавить в список жертв еще одно имя, но я знала, что это принесет слишком много проблем.

Чтобы спасти Эмму, нужно действовать разумнее — учитывая, что у директора еще есть дочь, Изабель де Кастро, которая тоже, по всей видимости, страдала от тирании отца.

— Мы просто немного повздорили, директор, — ответила я как можно мягче. — Простите меня за вспыльчивый характер, этого больше не повторится.

Его глаза предупреждающе сощурились.

— Мисс Виндзор, это ваш первый день в академии, а вы уже вынуждаете меня вызвать охрану. Вы должны знать, что мы не приемлем насилие ни в какой форме. — *Лицемер.* — На первый раз я сделаю вам замечание, но если будете и дальше угрожать моим студентам, вас ждет отчисление. Это не Синнерс с его вседозволенностью, вы меня поняли?

Коротко кивнув, я опустила взгляд в пол.

— Предельно ясно, директор.

Он вытянул руку.

— Нож.

Позади раздался смешок Кейджа. Мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть его довольную ухмылку.

Я скрипнула зубами и отдала директору оружие.

Он просто не знал, что в моих ботинках есть еще два.

— Хорошего дня, мисс Виндзор.

Бросив напоследок испепеляющий взгляд на Кейджа и его друзей, я двинулась к аудитории. Но не той, где у меня проходило первое занятие.

Мне нужно было увидеть хоть одно знакомое лицо, иначе я бы точно подожгла это змеиное логово.

Четвертый курс сейчас находился на последнем этаже. Поглядывая на карту кампуса в своем разбитом телефоне, я поднялась по мраморной лестнице, пока в груди продолжала кипеть ярость.

Нужно ведь было этому ублюдку Уильямсу упомянуть моего отца. Мало кто знал истинную историю Рэтта Джинкс, но

даже в элитной черте города, в которой мы никогда не проживали, шептались о нашей семье.

Точнее о том, какая она неблагополучная и жалкая.

Когда на кого-то заводилось уголовное дело, эта информация проникала в массы, как раковая опухоль. Все совали свои носы туда, куда не следовало.

Таннери-Хиллс нельзя было назвать маленьким городом, но жизнь здесь строилась на трех переменных: сплетнях, деньгах и торговле людьми.

После того как отца арестовали, на нас с мамой смотрели так, словно мы отрастили по три головы — хотя я не особо помнила это в силу возраста. И всем было плевать, что его оклеветали. Жители безоговорочно поверили, будто он виновен в массовом убийстве, и бросили его на растерзание органам.

Но как в четыре года, так и в двадцать, папа был для меня героем.

Всегда героем.

Многие шептались, что от него мне передались психопатические наклонности. Знаете, я даже не отрицала это: мне нравилось, что меня сравнивали с папой. Если бы он был жив, мы бы поставили этот мир на колени.

Но сейчас я делала это в одиночку.

Поэтому Кейдж Уильямс может засунуть язык себе в задницу, или это сделаю я, но наши методы будут отличаться. Ему лучше не открывать лишний раз рот, иначе его жалкое

тело встретится со всеми инструментами для пыток, которые хранятся в моем тайном месте.

Мне хватало разговоров о нашей семье и без его твоя. Совсем недавно закончилось судебное разбирательство, в котором маму и Линкольна обвиняли в мошенничестве. Конечно, это дело тоже было сфабриковано, чтобы вытянуть из нас деньги. Мне приходилось идти на крайние меры, чтобы оплатить услуги адвокатов и доказательные экспертизы.

Секс за деньги — не то, о чем стоит кричать на каждом углу.

Не просто так в Синнерсе меня называли *иллюхой*.

Эскорт на нашей стороне города давно стал нормой. Мало кто догадывался, сколько бизнесменов и директоров из элитной части Таннери-Хиллс пользуются услугами не только для сопровождения на мероприятия, но и в собственной спальне, пока за стеной спят их жены. Иногда и правда во множественном числе.

Стоило напоминать, как сильно я ненавижу это место?

Конечно, богачи заплатили бы мне за секс намного больше, но я никогда не пересекала эту черту. Ненависть к роскоши и тем, кто этой роскошью обладал, не позволяла мне даже смотреть в их сторону. Я решила ограничиться мужчинами из Синнерса, которые хоть и платили меньше, но прекрасно покрывали часть семейных расходов.

Однако с недавних пор, когда суд признал маму и Линкольна невиновными, это осталось в прошлом. Я нашла но-

вое занятие, которое приносило мне намного больше удовольствия, чем секс на одну ночь.

Убийства.

Распахнув дверь в класс, я огляделась.

Дарси, Леонор, Джереми и Алекс что-то бурно обсуждали. Я направилась к ним, ловя на себе заинтересованные взгляды студентов. При воспоминании о встрече с Кейджем из ноздрей снова повалил пар, поэтому два моих средних пальца взлетели в воздух.

Маленькое предупреждение: *сегодня меня лучше не трогать.*

Благодарю покорно.

— Почему никто не предупреждал меня, что этот директор де Кастро такой ублюдок? — прорычала я, запрыгнув на стол перед ребятами.

— Ты уже успела побывать у него? — удивилась Дарси.

— Откуда мне было знать, что здесь нельзя доставать нож?

— Ты уже кого-то убила? — изумленно прошептал Джереми.

Я усмехнулась и отбросила за спину распущенные волосы.

— Ага, если бы. Я только прижала нож к яйцам того ублюдка Кейджа, когда этот старый извращенец пригрозил вызвать охрану и отчислить меня. Как вы тут учитесь? Скукота.

Странно было признаваться себе в том, что эти четверо

стали для меня кем-то вроде...

М-м-м, хороших знакомых?

Друзьями мы точно не были, потому что я в них не нуждалась: мне вдоволь хватало Эзры, Бишопа и Малакая. Однако после всего, что нам пришлось пережить, мы не могли не сблизиться.

Похищение Дарси, перестрелка на аукционе, помощь Леонор с моим поступлением... Меня пугало, что мы проводили так много времени вместе, но я ничего не могла с этим сделать.

Когда два Грешника встречаются с двумя Святыми, а ты переходишь из одной академии в другую, нужно подстраиваться под обстоятельства.

Именно это я и делала. Не дружила, а подстраивалась. Впускать в близкий круг новых людей — не то, чем я привыкла заниматься.

— Разве у тебя лекция не в другом кабинете? — спросила Леонор. — Здесь только наш курс.

— Мне не нравится учиться с теми идиотами.

— Это твой первый день.

— Но я уже поняла, что они идиоты.

— Такими темпами тебя правда отчислят, — пробормотала Дарси.

Желание самой написать заявление и бросить эту затею появилось сразу же, как я переступила порог академии, но...

Взгляд столкнулся со взглядом Леонор.

Она ободряюще улыбнулась мне, словно ее волновала моя судьба. Раньше я бы сказала ей что-то едкое, но сейчас меня не пожирали ревность и зависть, как до нашего разговора возле трейлера.

Когда после ссоры с Малакаем она уехала в Париж, я много размышляла о нашей запутанной истории. Мне потребовалась уйма времени, чтобы отпустить давние чувства к ее парню.

Думаю, я никогда не смогу разлюбить Малакая, но мне было ненавистно видеть в его глазах боль. Такую всепоглощающую, что становилось трудно дышать.

Малакай и Леонор всегда были связаны, поэтому мне пришлось отступить.

Даже несмотря на то, что в тот момент мое сердце разбилось.

Влюбиться в лучшего друга, который считает тебя своей младшей сестрой — худшее, что может сделать любая здравомыслящая девушка. Но здравомыслием я, как вы поняли, не отличалась.

Мама всегда говорила, что сердцу, этому глупому жизненно важному органу, не прикажешь. Сколько бы ты ни пытался докричаться до него, оно выбирает самый болезненный путь.

Так случилось и со мной: много лет назад я как самая настоящая идиотка влюбилась в Малакаю Картрайта, а потом узнала, что он безбожно очарован девушкой, которую встре-

тил в детском доме.

Конец истории.

Никакого счастливого финала для меня в ней не будет.

— Не отчислят, — устало выдохнула я. — Мне нужно доучиться, чтобы не сгнить в Синнерсе.

Мысли прервал звук открывающейся двери. Нахмурившись, я повернула голову к выходу...

И почувствовала, как сердце подскакивает к горлу.

Блядь.

Ничто не могло подготовить меня ко встрече с этим человеком. Как бы я ни пыталась выгнать из головы воспоминания о той единственной ночи в баре, перед внутренним взором всё равно вспыхивали его серебристые глаза и британский акцент, от которого по коже бежали мурашки.

После предложения Леонор я думала лишь о том, *что* означает мое поступление в АЗК.

Моим профессором будет он.

Алистер Тюдор.

Мужчина неторопливо вошел в аудиторию, словно владел этим местом, и двинулся к столу. При взгляде на его широкую спину, обтянутую белоснежной рубашкой, я вспомнила, как несколько месяцев назад танцевала перед ним на барной стойке. Как мы играли в кошки-мышки, пытаюсь понять, кто из нас сдастся первым. Как его ледяной взгляд раздевал меня и подначивал к чему-то безумному, даже если он сохранял это равнодушное выражение лица.

Судьба, ты такая сучка.

Тюдор провел ладонью по легкой щетине и поправил очки. В прошлую встречу он не надел их, но да — эта деталь добавляла ему десять баллов.

Видимо, не только я это отметила, потому что студентки тут же начали перешептываться и обсуждать, как оседлают это великолепное лицо.

— Вы не видели время? — послышался его глубокий голос.

Я сразу же поняла, что он смотрит на меня, но никак неотреагировала, продолжая весело напевать себе под нос.

— У вас проблемы со слухом?

— Татум, он как бы... обращается к тебе, — прошептала Дарси.

Я закатила глаза и обернулась к профессору Тюдору.

На одну секунду, когда наши взгляды встретились, по телу пробежала странная искра. Я списала ее на то, что давно не трахалась, а этот мудак был чертовски привлекательным.

При дневном свете он выглядел еще более... *нереальным*. Знаете, это тот тип мужчин, на которых ты смотришь в интернете и не веришь, что они существуют. Шрам, берущий начало на середине лба и пересекающий глаз — то, что я не могла забыть несколько месяцев. Легкое любопытство подталкивало меня узнать, как он получил его.

— Извините, но вы нам немного мешаете, *профессор*. — Я не сдержала усмешки, увидев выпученные глаза Дарси. —

Начинайте занятие, а не пяльтесь на мои ноги.

На самом деле, он не пялился на мои ноги, сохраняя хладнокровие, но мне хотелось уколоть его. Мистеру Невозмутимости же не понравилось, когда я публично унизила его в баре?

Ну, буду делать это чаще.

Оттолкнувшись от стола, он неторопливо двинулся в нашу сторону. В пронзительных глазах отразился вызов, в котором я так сильно нуждалась.

Играть с огнем — мое любимое занятие.

— Вот дерьмо, — пробурчал позади Джереми. — Давайте сами ее отчислим...

Я подавила смешок и полностью развернулась к Тюдору, лопнув пузырь из жвачки. Он приблизился и остановился напротив меня, весь такой собранный и безупречный, словно не хотел трахнуть свою студентку несколько месяцев назад.

Он хотел. *О, я чувствовала это.*

Про Алистера Тюдора в Таннери-Хиллс ходило много слухов, однако до того вечера мы никогда с ним не встречались. Малакай и Бишоп предполагали, что он может быть связан с Кругом Данте — тайным обществом, которое занималось торговлей людьми и было виновно в исчезновении Малакая. Мы не переставали копать под его семью, относящуюся к основателям, но никаких подтверждений не нашли.

Что делало мою неприязнь к этому человеку еще больше.

Несмотря на это, я не могла не отметить, насколько Али-

стер горяч. Так чертовски горяч, что пришлось потереть друг о друга бедра, чтобы унять вспыхнувшее между ними жжение. Фотографии в интернете были оскорбительны по сравнению с тем, насколько от него захватывало дух при личной встрече.

Его чернильные волосы спадали на глаза цвета металла, один из которых пересекал длинный шрам, делая его более пугающим. Татуировки обвивали шею и уходили, по всей видимости, на грудь, покрывая каждую часть мускулистого тела.

Не удивлюсь, если девушки толпами вешались на этого опасного и таинственного мужчину, желая узнать, что кроется за его напускным равнодушием.

Алистер Тюдор выглядел как самый сладкий грех.

А я, как вы поняли, была не только безрассудна, но и грешна.

— Доброе утро, профессор, — вырвался из меня смешок. — Чего вы такой угрюмый? Утренний минет не оправдал ожиданий?

Вокруг послышались вздохи удивления.

— Не стоит об этом беспокоиться, мисс Виндзор, — ответил он низким голосом и изучающе осмотрел меня. — Я бы советовал вам следить за языком, если не хотите вернуться в Академию Темного Креста.

Я мило улыбнулась и спрыгнула со стола.

— Вас так волнует мой язык? Бросьте, профессор. Я ду-

мала, вы порядочный человек.

Оказавшись так близко к Тюдору, я почувствовала исходящий от его тела жар. Он возвышался надо мной и словно заполнял своей фигурой пространство, как человек, который привык находиться в центре внимания.

— Вас проводить до выхода? — учтиво спросил профессор.

— Спасибо, у меня хорошая память. Но, если вы не против, я посижу у вас на занятии.

Я прошла мимо Алистера, едва толкнув его плечом.

Живя в Синнерсе, я многому научилась — в том числе и воровать. Поэтому сейчас моя ладонь незаметно скользнула в карман его брюк и нащупала предмет, привлечший меня своим блеском.

Я знала, что это.

Но надеялась, что мне показалось.

Обойдя стол, я заняла место около Алекса. Когда профессор Тюдор вернулся в центр аудитории, наклонилась к остальным и раскрыла сжатую ладонь.

— Это же не то, о чем я думаю? — выдохнула Дарси.

Именно оно.

Монета Круга Данте.

Стиснув челюсти, я не отрывала взгляда от треугольника, поделенного по горизонтали на девять частей.

Тот же символ был на руке у Малакая. Тот же символ был на руке у Эммы и ее матери. Тот же, блядь, символ держал

в кармане мужчины, с которым я заигрывала на глазах у половины города.

Дарси и Джереми в шоке распахнули рты, а Алекс не отрывал прищуренного взгляда от профессора.

— У меня нет особого желания находиться здесь, в чем, думаю, вы со мной солидарны. — Студенты тихо засмеялись на его приветственное слово, хотя в его глазах не было ни намека на веселье. — Меня зовут Алистер Тюдор, и в этом году я буду заменять профессора Аллена на занятиях по мировой экономике. Кто не знает, Тюдоры уже несколько десятков лет держат компанию «Tudor Banking Corporation», поэтому можете не сомневаться в моей компетентности.

Я мысленно нацарапала его имя в списке своих жертв.

Может, Тюдор только недавно приехал из Лондона в наш город, но причина его появления стала ясна, как день. Если он причастен к тайному обществу, на его плечах лежит вина за сотни изнасилований и смертей.

После того, как Адриан Картрайт впал в кому, я прекратила убийства участников Круга по его заказу. Мы с мальчиками продолжали искать их, но в одиночку я больше не действовала.

Жертвы серийного убийцы имели другую причину.

Тюдор станет исключением.

— Я знаю, что нам нужно делать, — прошептала я, подняв взгляд от монеты.

— Что? — выдавила Леонор.

Профессор начал рассказывать о программе на год, но вскоре его глаза остановились на мне. В голове сложилась отчетливая картина того, как мы сможем разрушить Круг Данте.

Полностью и до основания.

— Я вступлю в тайное общество.

На моих губах мелькнула улыбка.

— С помощью него.

Глава 2

— Мисс Виндзор, останьтесь после занятия.

Хрипловатый голос профессора разнесся по аудитории, заставив меня остановиться перед выходом. Дарси и Леонор переглянулись, после чего вопросительно посмотрели на меня.

— Идите, я вас догоню.

— Тебе взять что-нибудь на обед? — спросила Дарси, поправив очки.

— У меня всё с собой.

Обеды здесь, скорее всего, стоят дороже моей почки. Перебьюсь вчерашними макаронами с сыром.

Девочки кивнули и последовали за Алексом и Джереми,

с подозрением поглядывая на профессора.

Дождавшись, когда помещение опустеет, я закрыла дверь на ключ и развернулась к Алистеру.

— Я вся во внимании.

— Необязательно закрываться, мисс Виндзор. Ничего противозаконного здесь происходить не будет.

Он говорил об убийстве или сексе?

Я голосовала за оба варианта.

Профессор расслабленно сидел в кожаном кресле с накинутым на плечи пиджаком и знакомым жестом проводил ладонью по челюсти. Его темные волосы растрепались, спадая на оправу очков, а начищенные до блеска туфли сверкали так, как не сверкало зеркало в прихожей моего дома. Не удивлюсь, если он провел весь вечер, чтобы привести их в надлежащий вид.

Черная рубашка и такого же цвета классический костюм, обтягивающий широкие плечи, стоили, скорее всего, как годовая зарплата простого рабочего в Таннери-Хиллс, а наручные часы от «Patek Philippe» только доказывали, насколько сильно такие, как Алистер Тюдор, любят разбрасываться деньгами ради какой-то безделушки.

За сегодняшнее занятие семь студенток оставили ему номер телефона, три *случайно* коснулись его бедра, когда он проходил мимо них по рядам, и пять уронили ручку под стол, чтобы нагнуться и посветить своей задницей.

Да, я вела счет.

— Подойдите ко мне.

Награда за самый безэмоциональный голос вручалась Алистеру Тюдору. Не знаю, кто еще мог произнести эту фразу так же сухо и незаинтересованно, как он.

Я двинулась к столу и остановилась напротив.

— Вас не учили, что чужие вещи брать нельзя? — спросил он, не отводя от меня взгляда.

— Какие чужие вещи?

— Ложь вам не к лицу, мисс Виндзор. Ловкие пальцы — это прекрасный навык, но оставьте его для спальни.

— У меня еще отлично развит язык.

— Я заметил это по вашей безостановочной болтовне.

Язвительный мудак.

Ладно, скрываться было бессмысленно, поэтому пришло время включать дурочку.

Я достала из кармана пиджака монетку и покрутила ее между пальцев.

— Много лет назад мне диагностировали kleптоманию, — усмехнулась я. — Знаете ли вы, что это не просто болезнь, а психическое расстройство? Причем, когда человек крадет вещи, он делает это не ради выгоды...

— А ради того, чтобы снять напряжение. Вы умная девушка, Татум Виндзор, но не нужно заговаривать мне зубы. — Алистер наклонился ко мне, не разрывая зрительного контакта. — Монету.

Именно сейчас я поняла, что так сильно врезалось мне в

память о старшем сыне Тюдоров, помимо его шрама.

Эти необычные глаза.

Цветом они напоминали лезвия кинжалов, заточенных для убийств. Удивительно, что наши радужки имели общий серый цвет, но мой был более тусклым, а его уходил в насыщенное серебро.

Ни один человек не смотрел на меня так долго и пристально, словно заглядывая в самую душу. Что бы он ни хотел там увидеть, ему это в любом случае не понравится.

Внутри меня — только чернота и яд. Так было и будет всегда.

— Что значит этот символ с треугольником? Никогда прежде такого не видела. Это что-то вроде... масонства? — Я запрыгнула на стол и снова покрутила монету между пальцев. — Треугольник тоже был символикой их братства. Вы приверженец идей масонов, профессор Тюдор?

Его лицо осталось нечитаемым, но глаза слегка прищурились.

— Добродетель — не одно из тех качеств, которыми я обладаю. Думаю, вас тоже не привлекает нравственное совершенствование.

Значит, Алистер интересуется тайными обществами. Догадка о том, что он состоит в Круге Данте, становилась всё более реалистичной.

— В нашу первую встречу вы не были таким закрытым, профессор, — вздохнула я и игриво надула губы. — С ва-

ми интересно болтать, но мы можем заняться чем-то более... практичным. Помнится, вам приносило удовольствие пожирать меня глазами.

Полностью развернувшись к нему, я перекинула ноги через стол и развела бедра.

— Можете сделать это другими частями тела.

Я медленно подняла юбку и засунула монету в трусики.

Что?

Мне нравилось ходить по лезвию ножа.

Алистер постучал по столу пальцами, унизанными кольцами, и, прикрыв глаза, тихо усмехнулся. Мне было интересно, какие мысли крутятся в его голове, когда он так смотрит на меня, но продолжает сохраняться внешнее безразличие.

Все просили меня не делать глупостей в первый день, а я уже развела бедра перед своим преподавателем, соблазняя его прикоснуться ко мне.

Не поймите меня неправильно: в груди кипело отвращение при мысли о том, кто этот человек, но мне пришлось отбросить его, чтобы добиться желаемого.

А перед этим можно немного повеселиться.

— Вы хотите, чтобы я трахнул вас пальцами? На этом столе?

— Зачем же? Можете просто достать монету, раз она имеет для вас такое большое значение. Пальцами или языком — решать вам.

Профессор Тюдор прикинул что-то в уме и...

Забросил ноги на стол.

— Да не особо. Можете забирать себе.

Взяв в руки стопку бумаг, он принялся проверять задания.

Какого хрена?

Я сидела перед ним с раздвинутыми ногами и монетой во влагалище — буквально, — а он просто читал какие-то бумажки? Что за хамство?

Нет, я, конечно, предполагала, что Тюдор бабник, который подарил женскому населению Лондона букет венерических заболеваний, но меня никогда так нагло не опрокидывали.

— Долго будете представлять себя главной героиней ролевой игры с профессором и студенткой? — устало вздохнул он, чиркнув ручкой. — У меня занятие через десять минут.

— А у меня оргазм. Прошу проявить терпение.

— Только не затягивайте.

Я подавила рычание и мысленно расчленила профессора, раскидав части его тела по Таннери-Хиллс.

Ему стоило запомнить, что я никогда не сдаюсь.

Поэтому мои пальцы потянулись к хлопковым трусикам.

Прекрасно, от нашей маленькой перепалки они стали влажными. Последний раз я испытывала оргазм много лет назад, но сейчас он не казался таким далеким, хотя ко мне даже не прикоснулись.

Вопрос оставался открытым:

Какого. Хрена?

С губ сорвался прерывистый вздох, когда я коснулась подушечкой пальца клитора и прижала к нему монету. Алистер продолжал не замечать меня, но я видела, как жилка на его щеке напряглась. Этого мимолетного движения хватило, чтобы подогреть бурлящий в крови азарт.

Я проникла средним пальцем под ткань трусиков и коснулась возбужденного центра. В горле зародился низкий стон, а мысль о том, что я мастурбирую на глазах профессора, пустила по коже горячую дрожь.

Я больна? Возможно.

Но так намного интереснее.

— Ну давайте же, — выдохнула, растянув губы в соблазнительной усмешке. — Вы же так хотите сделать это... Ощутить изнутри мое тепло, перегнуть через стол и... И пометить каждый дюйм моего тела...

И тогда Алистер поднял взгляд.

Я наблюдала за каждым изменением на его лице, продолжая поглаживать себя, используя монету. Он даже не повел бровью. Ноль реакции. Никаких эмоций. Но на короткую секунду его зрачки сузились, а ноздри затрепетали.

Он чувствовал мой запах?

— Нравится то, что вы видите, профессор? — прохрипела я.

Переведя взгляд к моим глазам, Тюдор приподнял уголок рта и протянул ладонь.

— Давайте проверим.

Сначала я не поняла, что ему от меня нужно, но потом он опустил подбородок и поманил меня пальцем. Заинтригованная, я достала из трусиков монету и положила в его руку.

Не отводя от меня взгляда, он опустил ее на язык.

И начал медленно посасывать.

О.

Эм-м-м...

Я не была к этому готова. Совсем.

Пока профессор смаковал во рту мой вкус, я уставилась на него распахнутыми глазами. Впервые в жизни меня выбили из колеи и напрочь лишили дара речи. Клянусь, никто никогда такого не делал.

Никто не... ну, не пробовал меня... *так*.

Господи, когда я разучилась складывать слова в предложения?

Медленно поднявшись из-за стола, профессор Тюдор встал между моих раздвинутых бедер и наклонился ниже. Его мужественный запах заполнил мои легкие, и я задержала дыхание, чтобы перестать поглощать его.

Мягкие губы прижались к моему уху.

— Хорошая попытка, но вам стоит стараться усерднее, — прохрипел Алистер и перекатил во рту монетку. — Не только вы умеете играть, мисс Виндзор. И да, мне понравилось. И вид, и вкус. Особенно последнее.

Он взял в руки кожаную сумку, лежащую за моей спиной, и неторопливо сложил в нее бумаги. Затем кивнул на выход,

словно на его столе не растянулась возбужденная студентка с покрасневшими щеками.

Покрасневшими, мать его, щеками!

Когда я научилась краснеть?

— Хорошего дня, мисс Виндзор.

Спрыгнув со стола, я сломя голову рванула к выходу. То ли от ослепительной злости, то ли от удивления, то ли чтобы не погромсать его на маленькие кусочки.

Но последнее слово всегда оставалось за мной.

— Дерьмового дня, профессор Тюдор.

Глава 3

Особняк Эдгара Гановера представлял собой трехэтажное здание, напоминающее каменную крепость. Видимо, городской полицейский понимал, что когда-нибудь за ним придет Ангел Смерти, поэтому решил обезопасить себя всеми известными ему способами.

Пол не поскрипывал под ногами, пока я тихо, словно тень, пробиралась к знакомой спальне. План дома изучался мной на протяжении нескольких месяцев. Ботинки на два размера больше нужного не приносили неудобств, поскольку я подложила в них носки, как делала при каждой вылазке.

Быть убийцей, когда у тебя в кармане три гроша, чертовски сложно. Чтобы замести следы, приходится изворачи-

ваться и искать поставщиков, которые не требуют с тебя половину зарплаты за хлороформ и кислоту.

Учитывая то, что я действовала самостоятельно, приходилось быть исполнителем и чистильщиком в одном лице. Благо, Дерек, работающий на Адриана, всё еще помогал мне с отключением сигнализации. Конечно, не за бесплатно.

Сегодняшняя цель была сложнее, потому что Эдгар нанял трех телохранителей, после того как мы с Бишопом, Эзрой и Малакаем прикончили Максимуса Аттвуда — окружного прокурора, который исполнял роль Надзирателя в тайном обществе.

Пришлось постараться, чтобы завалить этих трех громил, принявших меня за очередную шлюху Эдгара.

После вчерашней стычки с профессором Тюдором мне хотелось убивать с удвоенной силой. Как славно, что Протей дал мне имя следующей жертвы, на которой я могла отыгаться, представляя лицо этого придурка.

Вскоре можно будет не только представлять.

Мне просто нужно немного времени.

Протеем попросил называть себя человек, который отправлял мне имена жертв, заслуживших отмщения. Не знаю, почему он выбрал именно это имя, но догадки у меня были. В древнегреческой мифологии Протей обладал пророческим даром и менял облик, чтобы скрыться от тех, кто хотел получить от него предсказание.

Видимо, он и правда знал всё.

Выйдя в длинный коридор, я повернула голову и столкнулась с собственным отражением в зеркале.

На меня смотрела красная неоновая маска с крестами вместо глаз из «Судной ночи» — та самая, которую я надевала на Хэллоуин. Это не было опрометчивым решением: маски из кинофильма любила половина жителей Таннери-Хиллс, но только один человек привлек внимание общест-венности.

Я криво улыбнулась и помахала себе кончиками пальцев. Приятно ли убивать?

О, это чертовски возбуждающе.

Адриан Картрайт стал моим дьяволом, по чьему поруче-нию я вершила судьбы людей в Таннери-Хиллс. Но даже он не знал, что моя первая жертва умерла задолго до того, как я ступила на скользкую дорожку под названием «*Плыви или умри, сучка*».

Убить человека в десять лет — не та история, которую рассказывают детям.

Хотя детей у меня, очевидно, никогда не будет.

Наверное, я с детства была социопаткой. В возрасте пят-надцати лет я впервые решила почитать об антисоциальном расстройстве личности и даже не удивилась, когда нашла се-бя в каждом пункте.

Хотя оставалась вероятность, что это отклонение переда-лось мне на генетическом уровне и склонялось к психопатии — учитывая, какие истории рассказывали о моем отце.

Вскоре я остановилась напротив двери из красного дерева, ведущей в спальню Эдгара. В крови забурлило предвкушение. Меня затрясло от желания вдохнуть металлический запах и провести лезвием по его шее, трепещущей от страха.

Я ненавидела долгий период охлаждения. Последнее мое убийство произошло... два или три месяца назад?

Черт, слишком долго. Меня предупреждали, что соскочить с этого пути тяжело, но я не думала, что настолько.

Я уже собралась войти в спальню, когда телефон в кармане завибрировал.

Блядь.

Быстро достав его, я мысленно прокляла того, кто решил писать мне в такой ответственный, мягко говоря, момент, пока не увидела светящееся на экране имя.

Линкольн: *Если ты не вернешься домой в течение часа, тебя будут ждать серьезные проблемы.*

В горле появился душащий ком, как происходило всегда, когда мне приходило сообщение от этого человека. Время отвечать ему было неподходящее — я тут немного игралась в серийную убийцу, спасибо и пожалуйста, — но пальцы сами потянулись к набору букв.

Я: *Мы с парнями дома у Эзры. Вернусь завтра.*

Линкольн: *Твоя мать, блядь, больна и беременна, а ты трахаешься с теми тремя отбросами? Где твоя совесть, Татум? Ты знаешь, как сильно я люблю тебя, но твое поведение переходит все границы.*

Меня пронзил острый укол вины, от которого стало трудно дышать. Пальцы задрожали, не попадая по буквам.

Я: *Что с мамой? Ей снова плохо?*

Линкольн: *Нет, я уложил ее спать после очередного приступа, во время которого ты, очевидно, шлялась по барам. Отправь мне деньги на лекарства и возвращайся домой.*

Я быстро открыла приложение банка и стиснула челюсти, увидев ничтожное количество средств, которых мне едва хватит на несколько дней. Кажется, снова придется перейти на питьевую диету.

Как только деньги были переведены, сверху всплыло новое сообщение.

Линкольн: *Знай, что я делаю всё ради тебя и твоей матери, малыша. Если бы не я, вы бы не справились и давно жили бы на улице. Я знаю, что сейчас в нашей семье тяжелые времена, но вместе мы справимся.*

Я сглотнула подкатившую к горлу желчь.

Линкольн: *Люблю тебя, малыша. Очень сильно.*

Я прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, убрав телефон в карман. Он снова завибрировал, но я сжала кулаки до такой степени, что ногти впились в мягкую плоть и оставили кровавые полумесяцы.

Беззвучный режим включен.

Вина вперемешку с отвращением затопили разум, заставляя меня броситься домой, куда мне совершенно не хотелось возвращаться.

Представив перед собой обрюзглое и разгневанное лицо отчима, я потянула себя за волосы, желая заменить моральную боль физической.

Люблю тебя, мальшика.

Мне нужно было переключиться. Нужно было перестать чувствовать эти разъедающие грудь эмоции. Я вспомнила день, который изменил мою жизнь, и сосредоточилась на ярости, гневе, желании убивать, закрыв кровоточащее сердце на сотни замков.

Вдох.

Выдох.

Я достала из-под толстовки цепочку с серебряным крестом, оплетенным змеей, и по привычке прижала его к губам. Затем убрала обратно, толкнула дверь в спальню и сделала крошечный шаг.

Эдгар развалился на кровати, отключенный после подмешанного в вино снотворного. Всё бы ничего, но была одна загвоздка.

Рядом с ним лежала незнакомая девушка, которая не входила в мои планы.

Приглядевшись, я различила ее нахмуренные брови и темные волосы, разметавшиеся по кровати. На шее виднелись красные отметины, напоминающие следы от побоев.

Ублюдок.

Подкравшись к девушке, я наклонилась и зажала ее рот ладонью.

Голубые глаза резко распахнулись.

— Даю тебе десять минут, — прошептала ей на ухо. — Либо ты сваливаешь отсюда, либо сторишь вместе с ним. Ты ничего не видела и не слышала, поняла?

Она задрожала от страха и повернула голову к Эдгару, но он крепко спал, пуская слюни на подушку.

Этому пятидесятилетнему полицейскому было не впервой трахать молодых девушек, которых предоставлял ему Круг Данте, так что я не беспокоилась о том, что она сдаст меня полиции.

— Ну?

Встретившись со мной взглядом, она коротко кивнула.

— Беги.

Девушка даже не стала собирать одежду и пулей метнулась к выходу, оставив меня наедине с Эдгаром.

Однако когда ее нога переступила порог, она обернулась и прошептала:

— Спасибо.

Весело напевая себе под нос, я закрыла за ней дверь.

Следующие десять минут прошли в обычной подготовке к самому интересному. Пока Эдгар спал, я привязала его к кровати, засунула в рот тряпку и разлила по спальне бензин. Поставив напротив него стул, сняла маску и захрустела красным яблоком.

Он должен был видеть мое лицо.

Мне было известно об этом человеке всё. Во сколько он

ложится спать. Во сколько приходит с работы и зашторивает окна. Во сколько пьет таблетки, которые я подменила на те, что медленно разрушают организм.

Этот город должен был понять, что переходить дорогу семье Виндзор — путь в один конец.

— Просыпайся, убудок! — рявкнула я и ударила его по щеке.

Эдгар застонал и приоткрыл один глаз, но тут же поморщился, по всей видимости, от головной боли. Я скривилась от отвращения, когда одеяло соскользнуло с его тела, обнажив сморщенный член.

Нужно будет отрезать его перед уходом и забрать себе, как трофеей. Кстати, сделать из них коллекцию — неплохая идея.

Эдгар, наконец, столкнулся со мной взглядом и непонимающе нахмурился. Его глаза округлились, когда он осмотрел спальню и задергал конечностями, понимая, что привязан к кровати.

Я откусила яблоко и усмехнулась.

— Хороший вид, не правда ли? Ту девушку ты тоже привязал, чтобы она не сопротивлялась? Знаешь, на одну секунду я задумалась, стоит ли убивать тебя, но ты развеял мои сомнения.

Он застонал и начал вырываться, но его действия были похожи на попытки муравья сбежать от голодного льва. Вязать узлы меня научил отец, а в этом ему не было равных.

— Если ты думаешь, что я пришла мстить за ту девушку,

то глубоко ошибаешься, — хмыкнула я, вернувшись на стул и закинув ногу на ногу. — У меня не такие добрые намерения. Единственное, что мне нужно от тебя — это покаяние *за тот день*. Пятое сентября две тысячи второго года.

Сначала его брови недоуменно подскочили к поседевшим волосам. Но потом, когда Эдгара охватило осознание, он во всё горло закричал.

Ожидаемая реакция.

Конечно, этот ублюдок помнил. Невозможно не запомнить самое жестокое убийство, которое когда-либо происходило в Таннери-Хиллс.

— Я дам тебе минуту на последнее слово. Воспользуйся им с умом, Эдгар.

Поднявшись со стула, я подошла к нему и вытащила ткань изо рта.

— Я ничего не делал! — рявкнул он, глотая воздух. — Меня заставили наблюдать и следить за охраной. Я-я... Господи, что это за запах? Это б-бензин? Ты чертова психопатка!

Я закатила глаза на неудачные попытки оправдаться. Затем сжала руку в кулак и обрушила удар на его челюсть. По обрюзглому лицу потекла кровь, от вида которой даже кости завибрировали от удовлетворения.

— Вы все говорите, что ничего не делали и просто наблюдали. После такого ответа твои сообщники сразу оказывались в могиле.

Его мышинные глазки стали такими испуганными, что я не сдержала смеха. Забавно наблюдать, как пятидесятилетний полицейский мочится себе в штаны при виде двадцатилетней девушки, которая, по его мнению, может только раздвигать ноги.

Шах и мат, патриархат.

— Так это... это ты... Ты убила их всех... Боги, пожалуйста, отпусти меня...

— Ты знаешь, как меня зовут?

Тяжело сглотнув, он покачал головой.

— Татум, — прошептала я, растягивая губы в улыбке. — Татум Виндзор. Или же... Татум Джинкс.

Пазл в его голове наконец-то сложился. По щекам потекли слезы, потому что он понял, что живым отсюда не уйдет. Как и остальные пять человек, чьи тела покоились на глубине девяти футов или растворялись в баках кислоты в заброшенном трейлере, который пришлось снять, чтобы избавляться от тел и улики.

— Пришло время веселья, Эдгар.

Под его крики я откусила яблоко и принялась медленно жевать его. По пальцам, скрытым перчатками, потек сладкий сок.

С каждым укусом он дрожал всё сильнее. В его голове, наверное, прокручивались сотни пыток, которым я могла подвергать его.

Быстрая смерть — благословение для таких, как он. Мне

нравилось мучать своих жертв, часами разрывая их мышцы и купаясь в густой крови. Но больший кайф приносил момент, когда они... *ждали*. Ждали моих действий, как смертной казни.

Для Эдгара у меня было припасено несколько видов пыток, но выбрала я самый изощренный. Достав из рюкзака металлическую клетку, посмотрела в красные глаза Дискордии и улыбнулась.

— Привет, любовь моя. Ты, наверное, проголодалась? Мамочка не кормила тебя несколько дней...

Я бросила взгляд на мечущегося по кровати Эдгара.

— Кажется, мы нашли тебе ужин.

Пытки крысами брали начало с шестнадцатого века, но спустя много лет они по понятным причинам устарели. Убийцам нравилось издеваться над жертвами другими, более современными способами, однако когда пару месяцев назад я увидела в магазине этого злого зверька, то поняла, что он станет моим лучшим другом.

— Что ты, черт возьми, делаешь? — завопил Эдгар, когда я достала из сумки железную маску. — Нет, пожалуйста, не надо! Послушай, давай поговорим... Я знаю, кто ты... Я не хотел этого делать!

Хихикнув себе под нос, я закрепила вытянутую маску на его лице и просунула Корди в отверстие.

По бокам у приспособления имелись решетки, но задняя и нижняя части были литыми. Эдгар понял, для чего пред-

назначалась такая конструкция, поэтому взревел от ужаса.

Его крики ощущались как ангельская песнь.

Мрачно улыбнувшись, я достала из сумки горелку и покрутила перед его лицом.

— Мне придется тебя немного подогреть, Корди. Прости, но за такой ужин ты скажешь мне спасибо.

Включив горелку, я направила ее на заднюю часть маски.

Из страха и инстинкта самосохранения крыса бросилась к его лицу, ища пути отступления. Я снова откусила яблоко и провела языком по верхним зубам, когда выступила первая капля крови.

С каждым криком и мышинным писком меня охватывало облегчение. Мне не терпелось увидеть, как Дискордия превратит это вечно ухмыляющееся лицо в кровавое месиво.

Данте Алигьери в «Божественной комедии» писал:

«После долгой распри они придут к крови».

Он ошибался только в одном: иногда кровь становится не концом вражды, а ее началом.

Я долго размышляла над тем, правда ли человек становится убийцей в тот момент, когда наносит удар. Однако теперь знала — убийство начинается гораздо раньше.

С первой мысли о том, что чужая жизнь стоит меньше твоей. С первого желания переступить черту. С первого мгновения, когда чужое лицо перестает быть лицом и становится препятствием, которое нужно устранить.

А потом остается лишь кровь.

И заветная тишина после нее.

Бенедикт Стерлинг

Лиам Браун

Эдмунд Дэвенпорт

Джон Фостер

Мейсон Грант

Эдгар Гановер

Тридцать минут спустя я стояла на другой стороне Тан-
нери-Хиллс и жевала яблоко, наблюдая за поднимающимся
в небо столпом дыма. Дискордия сидела на моем плече вся
окровавленная, но сытая и довольная.

Моя девочка.

— Хорошо поработали, — хмыкнула я и косо посмотре-
ла на нее. — Пойдем отмоём тебя. Не хочу до конца жизни
носить тебе передачи в тюрьму.

Развернувшись, я напоследок подняла голову к небу и на-
шла взглядом знакомую светящуюся точку. Планету, входя-
щую в пояс Койпера.

Эрида.

Если ты видишь это, Алистер Тюдор, то знай...

Скоро на его месте будешь ты.

Потому что Круг Данте и те, кто хотел нажиться на люд-
ской беде, должны заплатить за каждый смертный грех. Если
расплатой не собиралось заниматься правительство, я с ра-
достью возьму эту ношу на себя и доберусь до каждого, кто
хоть как-то причастен к событиям две тысячи второго года.

Если бы не они, всё было бы иначе.

Я была бы счастлива.

Хоть профессор Тюдор не приложил руку к произошедшему, он также не сопротивлялся и пресмыкался перед Вершителями. Он имел право приехать в мой, блядь, город и расхаживать по нему, как новопровозглашенный король, пока боль продолжала скручивать мое едва бьющееся сердце.

Они умрут. Все до единого.

Медленно и мучительно.

E l'un l'altro si rode.

Один пожирает другого.

Данте написал это об Италии, разрываемой враждой. Но разве человек не устроен так же? Мы пожираем друг друга словами. Предательством. Завистью. Любовью, которая подталкивает к глупым поступкам.

Иногда руками, потрошащими внутренности.

Мне известно об этом лучше многих.

И всё же каждый раз, когда я смотрела на свои ладони, мне хотелось верить, что они не сделали меня таким же чудовищем, от которых я избавлялась.

Ад и правда пуст.

Все черти здесь...

Глава 4

Каждый день с того вечера в баре я посвятил тому, чтобы узнать, кто такая Татум Виндзор.

Возможно, я немного следил за ней.

Возможно, для меня немного взломали ее данные.

Возможно, на меня могли подать в суд, но давайте честно: никто не пойдет против одного из членов семьи Тюдор. Наши предки действительно занимали английский престол. Сейчас мы тоже занимали его, но метафорически.

Можно было и раньше догадаться, что Рэтт оставит ключ от бункера своей дочери. Это меняло мои планы. Убийство откладывалось до того момента, пока я не узнаю, где она прячет его.

Сделать это будет не так легко, как я думал.

Татум Виндзор была маленькой загадкой. Она умело скрывала свою вторую личность, поэтому никто даже не предполагал, что она и есть серийная убийца, о которой кричат все новостные источники.

У нее были странные привычки. Например, Татум грызла кончик волос и морщила нос, когда сидела на моих занятиях, выполняя задания. Она сдирала красный лак на ногтях, отвечая кому-то на сообщение. Когда подходила к трейлерному парку, где жила с матерью и отчимом, то переступала ворота только правой ногой, как какая-то суеверная ведьма.

Думаю, в другой жизни она и правда была ведьмой, маленькой Сабриной, только вместо кота и доброй улыбки у нее была омерзительная крыса и ухмылка, перед которой трепетали от страха даже мужчины.

Кстати, о крысе. Она проносила ее на занятия и подкармливала макаронами, которые брала в контейнере на обед. Я ненавидел этих грызунов, и, кажется, они меня тоже, поскольку не просто так эта маленькая стерва пыталась выпрыгнуть из ее сумки, когда я проходил мимо.

Что еще мне удалось узнать о Татум?

Она чертовски умело пробиралась под кожу и добивалась желаемого.

После ситуации в первый учебный день я понял, что ей от меня нужно. Пропуск в тайное общество или информация, которой я обладал. Она думала, будто я приехал в го-

род, чтобы занять место погибшего Тайлера Бэйли, и я не стал убеждать ее в обратном.

Пусть подбирается ко мне ближе. Пусть ищет ответы.

Она не заметит, как я совершу последний удар.

Было забавно наблюдать, как она веселится с Эдгаром Гановером. Я даже поаплодировал ей стоя. В прямом смысле стоя, потому что следил за ней в тот день, чувствуя кипящее в жилах удовлетворение. Кажется, эта девчонка могла посоперничать со мной в разнообразии пыток.

Пока она отправляла его на тот свет, мои глаза не отрывались от неба, на котором сверкала одна-единственная звезда.

Нет, не звезда. Планета, которая находилась в поясе Койпера.

Эрида.

Было в этой девушке что-то, что привлекло внимание моих внутренних демонов, жаждущих искупаться в ее крови.

Может, цепкий взгляд, скрывающий сотни тайн, где для каждой нужно подобрать ключ. Может, нож под форменной юбкой академии или смертоносный блеск в глазах, граничащий с жаждой насилия. Может, хриплый смех, при звуке которого я каждый раз задавался вопросом, что так рассмешило эту маленькую дикарку.

Я находился в шаге от того, чтобы взять Татум Виндзор на преподавательском столе, когда она нагло соблазняла меня, лаская себя пальцами, после чего препарировать ее и испить сладкой крови.

Ее вкус до сих пор ощущался на моем языке — терпкий и медовый, как выдержанное вино.

Хотелось ли мне зарыться между ее бедер и провести языком по сладкому месту, о котором я вспоминал чаще, чем стоило, погрузиться внутрь и так сильно укусить клитор, чтобы она заплакала от боли?

К сожалению, ответ очевиден.

Вызов в дымчатых глазах заставил что-то внутри меня пробудиться ото сна, хотя я понимал: это противоречит всему, чему я должен придерживаться.

Контроль. Спокойствие. Хладнокровие.

Месть.

Именно это чувство двигало мной многие годы, когда я убивал, убивал и еще раз убивал. Ни разу мне не хотелось отложить последний удар, потому что меня заинтриговала жертва. Всё могло закончиться одной ночью — проследить, замахнуться ножом, пропороть горло.

Но такой приговор для Татум казался слишком унылым.

Эта девушка могла оказаться моим самым прекрасным творением, которое я вкушу, использую, а потом разрушу, забив последний гвоздь в крышку гроба ради той, кто на самом деле была достойно жить.

Но она больше никогда не сделает это.

Не увидит солнце.

Не соберет цветы.

Не погладит меня по волосам.

Достаточно.

Когда я зашел на подземную парковку, выбросив из головы гнетущие мысли, телефон в кармане завибрировал.

— Да, Лучиано?

— Ты, *piccolo marmocchio*!⁴ Забыл, как я учил тебя нажимать на кнопку и брать трубку? После трех гудков ни одна девушка не пойдет с тобой на свидание, а ты проигнорировал восемь моих звонков!

Я закатил глаза и снял с сигнализации черную Aston Martin.

— Прошу прощения, но теперь я не могу болтать с тобой в свободное время, потому что меня терроризируют глупые подростки.

— Не оскорбляй бедных детей, — шикнул Лучиано. — Представляю, как им приходится уживаться с твоей недовольной мордой, когда ты не в настроении. Пощади малышей.

Я тихо усмехнулся и сел в машину, бросив на пассажирское сиденье кожаную сумку.

— Представляю, как Гретте приходит уживаться с твоей недовольной мордой, когда ты не в настроении, старик. Кстати, передавай ей привет. Она уже соскучилась по своему любимцу?

— Это Алистер? О, *amore mio*!⁵ — раздался на заднем

⁴ Маленький паршивец (перевод с итальянского)

⁵ Любовь моя (перевод с итальянского)

фоне ее звонкий голос. — Ты прилетишь к нам на выходные? Я приготовила такой вкусный минестроне, просто пальчики оближешь!

Лучиано тяжело вздохнул.

— Дорогая, мне нужно обсудить с Алистером важные дела. Ты можешь подождать меня на кухне?

На другой стороне послышалось копошение, после чего Лучиано раздраженно закричал. Видимо, Гретта огрела его кастрюлей по голове и выпроводила на улицу.

Я мысленно отбил ей пять.

Лучиано и Гретта были единственными людьми, которым я бы доверил свою жизнь, за исключением Дэмиена и Тессы. Именно они оказали мне поддержку, когда в возрасте восемнадцати лет отец отослал меня на обучение в Лондон за неспособность держать рот закрытым.

Если бы не семья Манчини, я бы, наверное, уже давно лежал под землей с простреленной головой или следами от веревки на шее.

Особняк Тюдоров всегда был местом, где правили авторитетность и расчетливость. Но там, на солнечных берегах Тосканы, которую омывало Тирренское море, я впервые ощутил спокойствие.

— Эта женщина доведет меня до белого каления, — пробормотал Лучиано, и я услышал, как он затягивается сигаретой. — Я позвонил тебе не просто так, Али. Вчера мы встречались с Каза Делле Омбре. Ты можешь говорить?

Мышцы сразу же напряглись.

Бросив взгляд на часы, я завел машину и плечом прижал к уху телефон. Пальто снимать не стал, потому что осень в Таннери-Хиллс всегда была промозглой.

— Что случилось?

— Тебя не прослушивают?

— Я же говорил, у меня есть человек, который может взломать систему безопасности Белого Дома. — *Ладно, я немного утрировал, но всё же.* — Говори, что случилось, или мне первым рейсом вылетать в Италию?

— Боже упаси, сиди на месте.

Я выехал с парковки и направился в сторону академии.

Занятие начиналось через десять минут. Хоть де Кастро стелился передо мной, зная, что Тюдоры управляют городом, он всё равно мог сделать мне выговор.

А последнее, что мне сейчас нужно — привлекать внимание.

— Отношения между Вендеттой и Каза Делле Омбре стали еще напряженнее, — пробормотал Лучиано. — Вчера на встрече Габриэль Эррера подстрелил, блядь, нашего Босса. Этот маленький гаденыш начинает мне надоедать.

— Он дал ответ по поводу брака с Нерией?

Лучиано фыркнул.

— Ты сам знаешь эту девчонку. На первой встрече она расцарапала ему лицо.

Удивился ли я? Если честно, не особо.

Нерия Кастафиоре часто приезжала к нам во Флоренцию. Ее отправлял туда человек, воспитывающий ее с самого детства — Рокко Кастафиоре. Именно он управлял одним из самых могущественных синдикатов Италии, Вендеттой. Лучиано Манчини был Консильери, его советником, так что о криминальной структуре и отмывании денег мы с Нерией знали всё.

Никто не был уверен, живы ли ее родные родители. Нерию подбросили на порог преступного клана, когда она еще не умела разговаривать. Ее родная мать, по нашим предположениям, была латиноамериканкой: об этом говорили ее яркая внешность и характер, от которого каждый рвал на себе волосы.

Неудивительно, что она отказалась от брака с сыном Босса Каза Делле Омбре, верная своим принципам.

Никто до сих пор не понимал, почему Габриэлю нужна именно Нерия, ведь у Рокко есть родные наследницы. Эта девушка — черное пятно для синдиката. Подкидыш, выросший в окружении диких зверей.

Когда я готовился к приезду в Таннери-Хиллс, то узнал, что Нерия переходит на четвертый курс АЗК и тесно общается с Леонор Монтгомери. Они вместе состояли в модельном агентстве ее матери Терезы, пока Леонор не перешла к Беверли Холланд, возглавившей компанию «Siren`s Wisper», а Нерия полностью не ушла из индустрии.

Не то чтобы я интересовался модой, но должен был знать

все связи в этом городе.

— Да, я помню, как в мои девятнадцать Нерия чуть не отрезала мне член.

— Алистер, язык! — пропыхтел Лучиано. — Ты напугал бедную девчонку, когда вышел в коридор без полотенца.

Усмехнувшись, я остановился на светофоре и побарабанил пальцами по рулю.

— Но если серьезно, то это дерьм... Точнее, *неприятно*. Ты и сам знаешь, что нам нужен союз с Каза Делле Омбре. Благодаря связям с Картрайтами они обогнали нас в вооружении, держат большинство портов не только Италии, но и Англии, вдобавок к чему крышуют тех, кто нацелился на нас.

Лучиано тяжело выдохнул.

— Ты не помогаешь, Али. Все знают, что для Вендетты настали тяжелые времена. Если солдаты почувствуют нашу слабость, они пойдут против Босса... — Он ненадолго задумался. — Кстати, до меня дошли слухи, что Эррера уже помогал Синнерсу.

Я удивленно выгнул бровь.

— Действительно? Когда это было?

— У тебя одна попытка.

— Аукцион?

— В точку.

Нажав на педаль газа, я провел ладонью по легкой щетине и повыше сдвинул очки.

— Что связывает Картрайтов с Кругом?

— Старший из братьев провел год в рабстве. Они начали копать под общество, когда мальчишку спасли. В то же время погибла его родная мать — Вивьен Ван Дер Майерс.

— Они с Дарси кровные брат и сестра? Черт, да ты шутишь.

— Привыкай к бразильскому сериалу, племянник. Кто-то отправил Картрайтам приглашение на аукцион, чтобы убрать Адриана и Ричарда.

Шестеренки в голове мгновенно закрутились.

Значит, Татум тоже была там.

После перестрелки Адриан Картрайт, поставляющий вражескому синдикату оружие, попал в кому и до сих пор из нее не вышел, а Ричард долго поправлялся, но вернулся к управлению городским советом.

— Они серьезно настроены взять под контроль весь Таннери-Хиллс.

Я узнал о Круге Данте в восемнадцать лет. Когда отец понял, что я задаю опасные вопросы и становлюсь угрозой, он отослал меня в столицу. Потребовалось много лет, чтобы встать на ноги, взять в руки управление компанией и отправиться на *ее* поиски.

Печально, что они не увенчались успехом, а привели меня сюда.

Вершители — высшая каста Круга Данте — сохраняли полную анонимность как его участников, так и тех, кто пользовался их услугами. Отец с матерью хранили секреты обще-

ства так, словно от этого зависела их жизнь, но это не мешало мне воздавать за грехи каждому, из-за кого я лишился... *всего*.

Каждый из Вершителей знал, что первоначально идеи Круга отличались от тех, что они пропагандируют сейчас. Основатели считали, что отчищают мир от зла — преступников, насильников и убийц, совершающих бесчеловечные деяния.

Новые поколения Вершителей считали, что занимаются тем же, но с одной ремаркой.

Они карают *слабых*.

Людей, которые не способны защищаться. Людей, которые не вписываются в их идеалы о сильном обществе, что строится только на власть имеющих.

Если ты находишься внизу пищевой цепочки, тебя сжирают. Это главный принцип тех, кто обладает могуществом.

Они не знают, что такое эмпатия.

Люди для них — объект.

— Али, ты же знаешь, что никак не мог помочь?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Не делай из меня дурака, *stronzo*, — проворчал Лучиано. — Те люди попали туда не по твоей вине.

— О, теперь ты ругаешься.

— Не заговаривай мне зубы. Я знаю тебя с пеленок, Алистер Тюдор. Ты был ребенком, когда ее забрали. И ты был ребенком, когда узнал правду. Не смей думать, что мог из-

менить это.

Я крепко стиснул челюсти.

— Мне потребовалось десять лет, чтобы вернуться в Таннери-Хиллс. Сколько людей похитили и убили за это время, Лучиано? Сколько мы могли спасти?

— Ты не спасешь никого, если полезешь в войну без стратегии и обороны! — вырвалось из него рычание. — Ты должен был уяснить один урок. Один, блядь, урок. Войны не ведутся без подготовки. Ты не спасешь ни одну жизнь, если умрешь.

подавив нарастающий в груди гнев, я постарался вернуть себе ускользающее спокойствие. Лучиано был одним из немногих, чье слово действительно многое значило для меня.

Я доверял и *всегда* прислушивался к нему.

— Прости, — пробормотал я, поворачивая к академии. — Мне ненавистно думать о том, что они еще дышат.

— Понимаю, мальчик мой. Но одним убийством мы ничего не изменим.

Свернув на парковку перед академией, я отвлекся на машину в зеркале заднего вида. Знакомая черная Audi заехала во внутренний двор, приветственно мигнув мне фарами.

— Ты слышал о серийном убийце? — спросил Лучиано.

О, дядя. Не только слышал, но и пробовал на вкус.

В Синнерсе было тяжело уследить за преступлениями, поскольку они совершались слишком часто, но такой серийный

убийца, как Татум Виндзор, не встречался властям ни разу.

У нее не было почерка.

Джефффри Дамеру, американскому серийному убийце по прозвищу Милуокский монстр, было важно не просто убить жертву, а сделать ее частью себя, поэтому он занимался некрофилией и каннибализмом. Тед Банди отличался интеллектуальной игрой и манипуляциями. Он владел своими жертвами, получая удовольствие от самого процесса обладания.

За Татум не было замечено определенных повадок, кроме того, что ее жертвами становились мужчины. Но способы пыток отличались. То колотые раны, то удушение, то расчленение. Она словно вершила возмездие, оставляя после себя лишь один след, по которому и смогли связать ее убийства.

Но рассказывать я об этом не собирался. Никому.

Тайна этой девушки принадлежала мне.

— Слышал, — безразлично ответил я. — Думаю, он убивает не только участников Круга. Они попадают под руку, но есть и обычные жители, которые не в курсе их дел. Тебе что-то известно?

Лучиано закурил вторую сигарету.

— Ничего. Мы не можем выйти на его след, а полиция и подавно. Он скрывается слишком умело.

— Он может помешать нашим планам? — спросил из любопытства.

— Не уверен, но мне это не нравится. Когда появляется

третья сторона, нужно либо сотрудничать с ней, либо устранить.

— Я попытаюсь что-нибудь узнать.

Как хорошо у меня получалось лгать.

Выкрутив руль, я съехал на подъездную дорожку. Студенты заняли практически все свободные места, поэтому я кружил по парковке, начиная раздражаться.

— Я позвоню тебе завтра, Али, — произнес Лучиано. — Будь на связи.

Не успел я попрощаться с ним, как перед лобовым стеклом мелькнула светлая вспышка.

Резко выжав тормоза, я услышал стук и чей-то разъяренный крик.

Уголки губ дернулись в улыбке.

— Ты, блядь, снова ослеп? — прорычала Татум и ударила кулаком по капоту. — Я прокалю тебе шины, сволочь! Смотри хоть, куда едешь!

Ее глаза полыхали гневом, а волосы, заплетенные в косу, растрепались вокруг лица. Сегодня она надела потертые джинсы и крошечную майку, поверх которой накинула алую, как кровь, кожаную куртку.

Клянусь, от этого вида член в моих брюках мгновенно затвердел.

— Это что за фурия поставила на место моего мальчика?

— До завтра, Лучиано.

Сбросив звонок, я припарковался и вышел из машины.

— О, господи! — воскликнула Дарси Ван Дер Майерс, схватив Татум за локоть. — Простите мою подругу за такое поведение, профессор Тюдор.

— Она... Она просто не знала, что это ваша машина, — подхватила ее Леонор Монтгомери. — Мы тут немного заговорились, поэтому не заметили вас. Пожалуйста, не сердитесь на нее.

Эти двое были забавными. Я выяснил, что они встречались с братьями Картрайт, а Малакай даже сделал предложение Леонор. Также мне было известно, что это ее фальшивое имя. Об этом кричали все заголовки газет.

Пропавшая наследница Милосских жива.

С первого дня в академии за их спинами всегда мелькали телохранители. Правильное решение, учитывая, какими интересными фигурами они были для общественности.

Но сейчас речь шла не о них.

Татум стряхнула с себя руку Дарси и вперилась в меня разгневанным взглядом.

— Нет, я знала, что мудака, который не умеет водить — это ты.

Девочки за ее спиной одновременно застонали, а я пожал плечами.

— Не удивляйтесь, мисс Виндзор, если увидите неудовлетворительную оценку за последний тест.

— Вы мне угрожаете, профессор? — прищурилась она.

— Как вы могли такое обо мне подумать? Просто конста-

тирую факт. А если попробуете поцарапать мою машину, то я оставлю вас на дополнительные отработки.

Усмехнувшись, Татум подошла ко мне вплотную, чтобы ее слышал только я.

— Дополнительные отработки включают в себя множественные оргазмы?

— Ваш последний мужчина так плохо с этим справлялся?

— Я цокнул языком и осмотрел ее с головы до ног. — Хотя знаете, это логично. Если вам нравятся такие парни, как Логан Кроуфорд, вопрос исчерпан.

Я направился к академии, но услышал за спиной ее перешептывания с подругами, после которых последовали гневные шаги.

— Откуда вы знаете, что мы были вместе?

— А разве это тайна?

— Что-то мне подсказывает, профессор, что вы заинтересованы мной больше, чем кажется на первый взгляд. И вообще-то мы с ним не встречались, а просто веселились.

— И он кончал через две минуты, поскольку не мог сдержаться, после чего оставлял вас неудовлетворенной? — безучастно спросил я, словно обсуждал прогноз погоды.

— Вам не кажется, что это разговор не для профессора и его студентки?

— Учитывая, что вы мастурбировали на моем столе — нет.

Открыв дверь, я жестом пригласил Татум пройти первой.

Она сладко улыбнулась и сильнее распахнула ее, отчего та чуть не врезала мне по носу.

Гребаная катастрофа.

— Я тоже слышана о вашей жизни в Лондоне.

— Так вы узнали, что за два года я выучил десять языков?

— И что вы трахали... Подождите, сколько? — Она повернула ко мне голову и удивленно округлила губы, пухлые и сочные, словно яблоки. Мне захотелось укусить их. — Десять?

— Английский, итальянский, русский, китайский, немецкий, французский, испанский, японский, исландский, португальский... — перечислил я, двигаясь к аудитории. — Что вы там говорили по поводу трахать?

— Скажите что-нибудь на... — Татум задумчиво прикусила внутреннюю сторону щеки. — На русском.

— *Tvoja kiska potryasayuschaya na vkus, Kotyonok.*

— А можно перевод?

— Твой язык слишком болтливый.

Тоже правда.

— Вы уже второй раз упоминаете мой язык, — дерзко усмехнулась она, сверкнув глазами. — Сначала на занятии, теперь сейчас. Признайтесь, вы думаете обо мне перед сном?

Остановившись посреди опустевшего коридора, я повернулся к Татум.

— Думаю ли я о девчонке, которая младше меня на восемь лет? О, безусловно. Вам подарить на день рождения

куклу, или у вас их достаточно?

— Я похожа на ребенка?

Пройдясь по ней изучающим взглядом, я задумчиво склонил голову вбок, хотя ответ был очевиден.

Передо мной стояла женщина, которая, возможно, даже не осознавала, какой властью над мужчинами может обладать.

Но знать ей это необязательно.

— Учитывая, что вы любите носить в сумке игрушки — да, вы похожи на ребенка.

— Это Дискордия, — проворчала Татум. — И она не игрушка, а крыса.

Как по команде из ее сумки раздался мерзкий писк.

Я же говорил, что она ненавидит меня.

— Проносить животных на занятия запрещено. Мне написать на вас жалобу директору?

— Знаете, если решите сделать это, не забудьте упомянуть кое-что еще. — Татум откинула полы куртки и указала под бородком на свою талию, не отрывая от меня взгляда. — Даже разрешу вам обыскать меня.

Сложив руки на груди, я тяжело вздохнул.

— Доставайте.

— Достаньте сами.

— Вам приносит удовольствие, когда вас раздевают?

— А вы всегда задаете так много вопросов?

— Только вам.

— Значит, я особенная?

О, ты даже не представляешь.

Не знаю, существовала ли в мире еще одна такая же раздражающая, наглая и сумасшедшая девушка, которая не знала, что такое инстинкт самосохранения. Ведь чтобы убить шесть взрослых мужчин, у половины из которых есть охрана, нужно очень постараться.

Именно поэтому серийная убийца разгуливала по академии с ножами за поясом, а разбираться с тем, чтобы она случайно никого не зарезала, нужно — какое счастье — мне.

Хотя я и сам распотрошил бы половину этого змеиного гнезда.

Я потер от усталости переносицу и, сжав ее запястьем, потянул в конец коридора за мраморную лестницу. Не хватало еще попасть под камеры и стать причиной очередного скандального заголовка.

— Мне нравится ваша кровожадность, но давайте оставим это за дверями академии, — пробормотал я, развернув ее к себе спиной. — Или до спальни, если вам интересна игра с кровью.

— Как вы узнали мои предпочтения?

— Я их разделяю, мисс Виндзор.

Когда я скользнул ладонями под ткань ее куртки, то встретил не холодный металл, а горячую кожу.

Резко развернувшись, Татум вскинула нож.

Инстинкты мгновенно взяли верх. Она собралась приста-

вить лезвие к моей шее, но я действовал быстрее. Сжав ее запястья, подтолкнул Татум к стене и поднял ее руки над головой.

Она хрипло засмеялась. Безумный блеск в серых глазах пустил по телу жаркую волну, которая устремилась прямо в член.

Блядь, она чертовски сексуальна.

— А вы не так просты, профессор Тюдор. — Ее дыхание участилось, смешиваясь с моим, тяжелым и прерывистым от борьбы. — Мне нравится, какой вы властный. Где научились этому приему?

Я склонился ближе и промурлыкал ей на ухо:

— Вам преподать несколько уроков?

— Только если в перерывах мы будем трахаться, — прошептала она.

Мне всегда казалось, что никто не сможет пошатнуть мой самоконтроль.

Однако сейчас, когда наши лица разделяли считанные дюймы, стоило огромных усилий не прижать ее щекой к стене, намотать на кулак эту растрепанную косу и погрузиться в нее одним глубоким толчком.

Сорвать с сочных губ крик.

Окрасить каждую часть ее тела кровью.

Убить.

Дьявол играл со мной в опасную игру. С каждым шагом я отчетливее понимал, что впервые нашел достойного сопер-

ника.

Равного мне по силе.

— Чем дольше оттягиваешь удовольствие, тем оно сильнее.

С этими словами я отстранился от нее и поправил воротник пальто. Татум откинула голову на стену и посмотрела на меня сквозь опущенные ресницы с этой легкой усмешкой на губах.

Она думала о том же, о чем и я.

— Спасибо, что проводили меня до кабинета. — Татум кивнула на дверь, расположенную за лестницей. — Кажется, вы немного отвлеклись, сраженные моим обаянием. Хорошего дня, профессор Тюдор.

Оттолкнувшись, она лопнула пузырь их жвачки и помахала мне кончиками пальцев.

Отлично, я перепутал аудитории, пока она заговаривала мне зубы.

Один — один.

Конечно, под конец учебного дня произошло то, чего я и ожидал. Вымотанный и раздраженный общением с богатыми детишками аристократических семей, я вышел во внутренний двор, разговаривая по телефону с Дэмиеном.

— Блядь, ты можешь в это поверить? Отменить сделку в последний момент! Из-за этого кретина мы потеряли несколько миллиардов, — прорычал он, пока я смотрел на открывшуюся глазам картину. — Не думаю, что ты сильно

этим расстроен, но я расстроен. Мой отпуск переносится на неопределенный срок... Ты вообще здесь?

— Можешь забронировать автосервис на мое имя?

— Зачем? — протянул он.

Оглядев Aston Martin, мою любимую серебристую девочку, я поджал губы, когда увидел огромную надпись на ее боку.

Татум нарисовала на капоте множество маленьких членов и расцарапала гвоздем покрытие, выведя слово: «Отсоси».

Оригинально.

— Котенок снова выпустил когти? — усмехнулся Дэмиен.

Моих губ коснулась слабая улыбка.

— Они всегда при ней.

Глава 5

— Полиция подтверждает, что в Таннери-Хиллс действует... серийный убийца, — раздался по телевизору изумленный мужской голос, пока я ела хлопья на завтрак. — Кхм, простите... Да, на месте убийств он оставляет яблоко, покрытое золотой краской. За последние четыре месяца офицеры зафиксировали... Сколько жертв?

Я усмехнулась.

— Шесть.

— Шесть жертв, и каждая из них — мужчина в возрасте от сорока до семидесяти лет, — продолжил ведущий новостей. — Сначала полиции не удалось уловить связь, если бы не оставленные на месте преступлений яблоки. За поимку

преступника назначена сумма в миллион фунтов стерлингов. Внешность убийцы неизвестна, как и его возраст. Если у вас есть какая-то информация, обращайтесь в полицию...

— Малышка, выключи это, иначе я рожу раньше времени. Я улыбнулась, посмотрев на вошедшую на кухню маму.

Сегодня у нее был хороший день. Она говорила не тихим и сломленным голосом, как в худшие дни депрессивного расстройства, а спокойным и даже немного... веселым.

Это не могло не радовать меня, поэтому узел в груди медленно ослабел.

Мы с Оливией Виндзор были удивительно похожи. Ее волосы так же, как и мои, имели светлый оттенок, но я красила их в пепельный. Из-за этого Дарси однажды назвала меня облезлой кошкой, на что я чуть не расцарапала ей лицо.

Запомните раз и навсегда: это грязный блонд.

В свое время мама была красавицей, но депрессия сильно изменила ее как внутренне, так и внешне. Она похудела, и даже беременность не придала ей округлости. Болезнь сжирала ее, отчего всегда румяные щеки впали, а под глазами появились темные круги.

Но даже так она выглядела прекрасно. Как самая красивая мама на свете.

Когда я опустила взгляд, любой намек на радость при ее появлении испарился. Ее живот раздулся до такой степени, что она напоминала воздушный шар.

Ребенок должен был появиться на свет совсем скоро. Это

означало, что моей беззаботной жизни, если ее такой можно назвать, приходит конец.

— Об этом убийце говорят днями напролет, — прокричала она, проходя к кухне, соединенной с гостиной. — Будь осторожна, Тэйт. Теперь, когда ты учишься на другой стороне, я не смогу о тебе заботиться.

Как будто ты когда-нибудь обо мне заботилась.

Много лет назад, когда наша жизнь не превратилась в выживание — да. После смерти отца мама пыталась собраться с силами, но с каждым годом ее состояние ухудшалось. Знакомство с Линкольном могло стать той искрой, благодаря которой она бы начала новую жизнь, если бы он не разрушил ее до основания.

— В Золотом Кресте такая охранная система, что туда не попадет сама королевская семья, — хмыкнула я, отложив ложку, поскольку есть перехотелось. — Думаю, там я в большей безопасности, чем здесь. Прошло уже три недели, а со мной ничего не случилось.

Мама открыла холодильник и, осмотрев пустые полки, тяжело вздохнула.

— До сих пор не верю, что та девочка помогла нам. Нужно встретиться и поблагодарить ее.

Из коридора раздался хриплый смешок.

— Сучки из Таннери-Хиллс никогда не делают ничего просто так. Жди, что она потребует от тебя всю сумму за обучение, но в трехкратном размере.

Я стиснула челюсти, когда на кухню вошел Линкольн.

Даже со своего места за столом нос уловил привычный запах алкоголя. Не было ни дня, чтобы он не пил, трата на это мои сбережения.

Если раньше отчим имел хорошую форму, то теперь его живот вываливался из-под растянутой майки, а каштановые волосы кое-где поредели.

Он подошел к маме и слюняво поцеловал ее в щеку, на что она захлопала ресницами.

Меня затошнило от этой сцены, когда вспомнилось лицо отца. Со временем я стала забывать, какого цвета были его глаза.

— И ты собралась на учебу в таком виде? — усмехнулся Линкольн, скользя взглядом по моей короткой юбке и кружевным колготкам. — Оденься приличнее, выглядишь как последняя шлюха.

— Это мое дело, — тихо прорычала я. — Мое тело, моя одежда и моя академия. Если я захотела пойти туда так, то я пойду, блядь, туда так.

— Татум! — ахнула мама. — Не говори так с Линкольном. Сцепив зубы, я поднялась с дивана.

— Мне пора. Встретимся вечером.

Когда я проходила мимо них, Линкольн крепко сжал мое запястье. Я поморщилась от боли, сильнее которой была только ярость. Сокрушительная и сбивающая с ног.

Мне было ненавистно смотреть в его заплывшие глаза, но

я подняла взгляд и постаралась передать всё отвращение, что испытывала к нему.

— Отпусти.

Линкольн сжал мою руку сильнее.

— Я не буду повторять дважды. Переоденься сейчас же.

— Пошел ты к черту, — выплюнула ему в лицо. — Я не собираюсь спрашивать мнения у человека, из-за которого маме даже нечем позавтракать. Ты спустил все недельные сбережения на водку и ставки. Не трогай меня, когда я этого, блядь, не прошу.

— Ты моя дочь! — рявкнул он. — Я буду трогать тебя тогда, когда захочу!

— Я не твоя дочь и никогда ей не стану! Мой отец умер, а ты даже не даешь маме съездить в его годовщину на кладбище!

— Твой отец был преступником, который гнил в тюрьме, — прошипел Линкольн. — Только я, черт побери, спас тебя и твою мать от смерти. Будь благодарна за это, никчемная девчонка. Такая же никчемная, как и он.

— Закрой рот!

— Могу посоветовать тебе то же самое, чтобы не глотала каждый встречный член.

И тут я не сдержалась.

Замахнувшись, вложила в удар всю злость и дала ему хлесткую пощечину. Стоило всех усилий не броситься за ножом и не вспороть ему брюхо, как выпотрошенной рыбе.

Линкольн отшатнулся и на мгновение опешил, пока его глаза не налились кровью.

— Тебе конец, сучка!

— Хватит! — сквозь слезы вскрикнула мама.

Он бросился на меня с занесенным над головой кулаком. Я по привычке приняла защитную позицию, готовясь отражать нападение.

Но его руку перехватили.

На кухне раздался крик, от которого сердце пропустило удар.

— Мама!

Она упала на колени и прижала ладони к лицу.

Боже. Боже, боже, боже...

Я оттолкнула Линкольна и бросилась к ней. Меня затрясло от страха, когда в трейлере раздалась ее рыдания.

— Мама, ты меня слышишь? — спросила с дрожью в голосе. — С тобой всё в порядке? Пожалуйста, посмотри на меня!

Она всхлипнула и накрыла руками живот, открыв лицо. По ее подбородку стекала кровь, пропитывая цветочный сарафан, в который я так любила зарываться носом в детстве. От него даже пахло так же, как много лет назад.

Домом.

— С нами всё в порядке, — пробормотала она, раскачиваясь из стороны в сторону. — Я не должна была лезть... Это моя вина... Прости, малыш, я не подумала о тебе...

Нет. Это не ее вина.

Повернувшись к Линкольну, я встретила с его затуманенными глазами. В них не было ни капли сочувствия. Казалось, он даже не понял, что ударил беременную жену.

Его взгляд не отрывался от моих ног.

— Уходи, — прошептала я одними губами.

Я могла устроить скандал и ударить его чем-то тяжелым, но маме и так было дерьмово. Если мы продолжим ругаться, ее состояние скатится обратно на дно, к которому она уже мысленно приближалась.

— Уходи! — прорычала я.

Линкольн плюнул себе под ноги и скрылся в спальне.

— Две сумасшедшие дуры...

Тяжело выдохнув, я прижалась лбом к плечу мамы и попыталась собраться с силами. Этим я занималась на протяжении шестнадцати лет, после того как семья Виндзор превратилась в руины.

Выживала.

— Давай, тебе нужно промыть рану, — прохрипела я, поднимая маму с пола.

Взгляд упал на настенные часы.

До начала занятий оставалось десять минут.

Весь день у меня, как обычно, было отстойное настроение, поэтому я срывалась на всем, чем только можно. Больше всего досталось Джереми, который вспомнил на обеде нашу

первую стычку с профессором Тюдором, поэтому я воткнула в его ладонь вилку.

Ну, почти в ладонь. Пришлось пощадить его, чтобы не навлечь на себя гнев его ручного зверька Шепарда.

Перед третьим занятием по литературе я в одиночестве шла на второй этаж, когда получила сообщение, от которого глаза предательски защипало.

Мамочка: *Привет еще раз, зайчик. Можешь, пожалуйста, отправить шесть фунтов на чай? Ходила на собеседование и решила заглянуть в кофейню, а денег не осталось.*

В горле появился душащий ком, а глаза застелила мутная пелена. Я сжала телефон дрожащей рукой и тяжело сглотнула, пытаюсь не сломаться.

Казалось бы, можно получить сообщение и хуже, но в этот момент во мне что-то треснуло. Осознание того, что твой любимый человек не может позволить себе гребаный чай, заставляло сердце кровоточить. Лучше бы мне вонзили в грудь нож, чем снова увидеть это сообщение.

Я отправила ей последние тридцать фунтов, которые заняла у Малакая, пока искала подработку, и пошла на занятие.

Учиться у меня получалось сносно. Программа в Золотом Кресте оказалась намного сложнее, чем в Темном. Я никогда не была глупой, но меня не приучили к постоянному выполнению домашнего задания и сотне рефератов, которые нужно подготовить за пару недель.

Однокурсники смотрели на меня так, словно я выбралась со свалки. Мне хотелось окрасить стены их кровью, когда они глумливо смеялись над моим контейнером с макаронами, поглощая запеченный лосось.

Сдерживать желание расчленить их и расфасовать по холодильникам в моем трейлере было сложно, но я всегда напоминала себе, ради чего здесь нахожусь.

Ради мамы.

Однако сегодня я всё же сорвалась и потаскала за волосы тех сучек Грейс и Уинтер, которые были на побегушках у Изабель де Кастро. Алекс пригрозил им, что если они пожалуются директору, то он продаст их органы на черном рынке.

Что ж, это помогло. Они замолчали.

Мы с Шепардом могли стать хорошей командой.

Когда занятия, наконец, подошли к концу, мы впятером вышли на улицу, и я вскинула руки к небу.

— Еще один дерьмовый день подошел к концу. Спасибо, Иисус, что я стала на шаг ближе к выпускному!

Джереми закинул руку мне на плечо, но быстро убрал ее, когда я зыркнула на него уничижительным взглядом.

— Эй, я думал, тебе нравится проводить время в нашей компании. Ты даже перестала называть меня гиперактивным придурком с маленькими яйцами. — Он поиграл бровями и подбросил в воздух футбольный мяч. — Кстати, мои мячи такие же большие, как этот. Хочешь проверить?

— Ты когда-нибудь видел мячи для настольного тенниса?

— Да, а что?

Леонор подавилась от смеха, а Джереми округлил глаза.

— Намекаешь, что мои яйца такие же маленькие? Алекс, скажи ей!

— Откуда Алекс знает, какие у тебя яйца?

— Он жил в моем особняке несколько месяцев и отказывался надевать одежду, — пробормотал Шепард. — Это были худшие дни в моей жизни. И да, Ротшильд, мячи для настольного тенниса подойдут больше.

Джереми пнул его по щиколотке.

— Ты больше не мой лучший друг, урод.

Алекс опустил взгляд в землю.

— Спасибо, что слышали мои молитвы.

Не сдержавшись, я пропустила легкий смешок.

Ладно, иногда с ними было весело. Но большую часть времени мне хотелось затолкать футбольный мяч Джереми в глотку, чтобы он перестал болтать. От его голоса у меня начиналась мигрень.

Недавно он повредил колено, поэтому восстанавливался после травмы и перестал играть. Кажется, для него это было болезненно. Ротшильд собирался строить карьеру профессионального футболиста, а каждая травма для них могла стать последней. Это угнетало его, но он не подавал виду, продолжая сверкать широкой улыбкой.

Вот только каждый из нас видел, как ему хреново.

Не то чтобы меня это волновало, но всё же.

— Господи-господи-господи, это правда она? Татум Виндзор, которая Ангел Смерти?!

В следующую секунду меня чуть не сбили с ног. Какая-то кудрявая девчонка появилась передо мной и запрыгала, как попрыгунчик, с маниакальной улыбкой на лице.

— Можно твой автограф? А давай на груди или попе? И фотографию на память? Пожа-а-алуйста!

— Э-э-эм, — протянула я, растерявшись. — Зачем?

Алекс сжал пальцами переносицу.

— Ребекка, не позорь меня...

— Заткнись, — грозно шикнула она, после чего снова запрыгала на месте. — Божечки-кошечки, я твоя давняя фанатка! В моей комнате даже висят ваши плакаты, представляешь? Ты придешь на мой день рождения? О, кстати, я собираюсь набить татуировку с вашими именами! Поможешь выбрать место? Я хотела на ягодицах, но Алекс сказал, что мой будущий муж не оценит... Хотя знаешь, я решила, что у меня не будет мужа, раз он не готов мириться с моей любовью к вам!

Я умоляющим взглядом посмотрела на хихикающих Дарси и Леонор.

— Послушай, Ребекка...

— Она знает мое имя! Она знает мое имя! Она знает мое имя!

Господи, я впервые встречала брата и сестру, которые *настолько* не похожи. Если Алекс произносил от силы три сло-

ва, то Ребекка пищала, как сирена. У меня аж задергался глаз.

— Как ты уже поняла, это Бек, сестра нашего Дракулы. — Джереми обнял возбужденную девушку за плечи, придерживая второй рукой мяч. — Она немного своеобразная, но мы ее очень любим. Да, Александр?

Шепард что-то пробурчал себе под нос.

— Короче, рассказываю последние сплетни, — выпалила Ребекка, когда он подтолкнул ее ко входным воротам. — Говорят, профессор Ланкастер залетела от студента, поэтому ее увольняют! А знаете, от кого?

— Бек, это неправда, — засмеялась Дарси.

— От Николаса Тюдора!

Услышав эту фамилию, я наострила слух.

— Реально? — выпучил глаза Джереми. — О, черт возьми, он опередил меня! Я бы тоже не отказался оплодотворить эту красотку...

— Вон она! Заткнитесь!

Я увиделадвигающуюся нам навстречу молодую женщину, которая вела у меня историю. Ее каблуки мерно цокали по камню, длинные черные волосы развевались за спиной, пока она, нахмурившись, перебирала бумаги.

Джереми всучил мне в руки футбольный мяч и выпрыгнул ей навстречу, улыбаясь, как Чеширский Кот.

— Профессор Ланкастер! Скажите, а вы правда залетели от Николаса?

Господи, какой идиот...

Поправив очки, она медленно подняла голову. Ее большие изумрудные глаза распахнулись, когда столкнулись со взглядом Джереми.

— Мистер Ротшильд?

— Собственной персоной. — Он положил ладонь на плоский живот профессора и мягко погладил его. — Если у вашего ребенка не будет отца, обязательно наберите меня. Я позабочусь о вас вместо Николаса, хорошо?

Ланкастер моргнула.

— Простите?

— Не извиняйтесь, в жизни всякое бывает.

Ребекка спряталась за моей спиной и пробормотала:

— Если его отчислят, я не виновата...

— Думаю, вы меня с кем-то путаете, — нахмурилась профессор, отступив от Джереми. — Я не нарушаю субординацию и не общаюсь со студентами за стенами академии. Пожалуйста, не распускайте ложные слухи.

Она обошла Джереми, но он перехватил ее за запястье.

— Тогда как насчет свидания?

— Джер, пошли, — шикнула Дарси и потащила его к выходу. — Не обращайтесь внимания, профессор, ему просто мяч в голову прилетел. Хорошего вам дня!

Кажется, этот парень мог посоревноваться со мной в рейтинге тупых поступках.

Ребекка давилась от смеха, а Алекс шел в стороне от нас,

делая вид, что мы незнакомы.

Когда мы покинули территорию академии и вышли за ворота, Леонор дала Джереми подзатыльник.

— Что ты устроил, придурок?

— Ну а что? Я сказал правду, — насупился он и забрал переданный мной мяч. — Мне всегда нравились девушки постарше... Черт, Барби, просто представь, как сексуально я буду выглядеть с ребенком на руках и этой красоткой рядом.

Леонор уперла в бедра кулаки.

— Ты ее не вывезешь.

— Я? — Он ткнул в себя пальцем. — Я несколько лет встречался с гадюкой Изабель, и теперь ты говоришь, что я не вывезу Ланкастер? Она по сравнению с ней просто божий одуванчик.

— У одуванчика есть обременительное обстоятельство под названием ребенок.

— Ну... Два божьих одуванчика?

Ребекка пробормотала мне на ухо:

— Думаешь, я развязала войну?

— За сердце Ланкастер? — Из меня вырвался смешок. —

Возможно.

Не знаю, действительно ли профессор забеременела от Николаса, но это в любом случае не мое дело.

Хотя ладно — мое.

Что? Я была нацелена узнать об Алистере всё, включая его отношения с братом.

Мы встретились с Николасом в коридоре, и я совершенно случайно уронила перед ним учебники, совершенно случайно завела разговор и совершенно случайно предложила выпить кофе.

Они с Алистером были настолько разными как внутренне, так и внешне, что я даже засомневалась, точно ли они братья.

Николас производил впечатление золотистого ретривера, в то время как Алистер — самовлюбленного придурка. Ладно, может... добермана? Огромной черной овчарки?

Неважно.

— У меня только что было занятие с профессором Тюдором, — выдохнула я, привалившись к шкафчику. — Каково это, когда тебе преподает брат?

— Ужасно. — Николас поморщился и откинул с лица прядь пшеничных волос. — Не хочу об этом говорить. Надеюсь, долго он здесь не продержится...

По какой-то причине между ними были натянутые отношения. Мне стало любопытно, что произошло. Николас показался мне более эмоциональным и... обозленным на Алистера?

Недавно я навела справки и узнала, что Тюдор получил два образования в Лондоне и управлял частью отцовской компании, а в период с двадцати четырех до двадцати семи лет путешествовал, часто останавливаясь в Италии и России.

Зачем? Они не вели там бизнес.

Да, я немного сталкер. Чего только не сделаешь ради мира

во всем мире.

Алистер действительно был баснословно богат. Настолько богат, что мог посоперничать годовым доходом с Ричардом Ван Дер Майерсом. То есть знаете, у него были всякие личные самолеты, загородные особняки, вооруженная охрана и прочая хрень, которой владеют миллиардеры.

Конгломерат Тюдоров управлял денежными потоками всего мира, оказывал финансовые услуги крупнейшим компаниям, финансировал международную торговлю между Европой и Азией. Они построили империю, а Алистер собирался стать тем, кто возглавит эту империю после ухода отца — Винсента Тюдора.

Как я могу проникнуть с помощью него в общество? Как мне узнать, кто еще относится к Вершителям?

Профессор далеко не глуп. Если я начну задавать вопросы, он сразу поймет, чего я добиваюсь, и устранил меня. Единственный вариант — соблазнить и втереться в доверие, пока он сам не заговорит.

После аукциона Ричард категорически отказался затрагивать с нами тему Круга, беспокоясь о благополучии дочери. Я понимала его: когда твоего ребенка похищают, а потом подвергают пыткам, ты делаешь всё, чтобы этого не повторилось.

Поэтому мы найдем ответы сами.

— Эй, вы долго будете нас не замечать?

Рядом раздался знакомый мужской голос, который выдер-

нул меня из мыслей.

— Бишоп!

— Малакай!

Дарси и Леонор одновременно сорвались с места. Я повернула голову и увидела привалившимся к мотоциклам парней. В стороне от них уже шептались студентки Золотого Креста, но они с сердечками в глазах смотрели только на двоих.

Взвизгнув, Дарси запрыгнула на Бишопа, который тут же поднял ее на руки и закружил вокруг себя. В его глазах отразилась такая поглощающая любовь, что я... ну, немного позавидовала.

Совсем немного. В глубине души.

В голове до сих пор не укладывалось, как эти двое сошлись. Я всегда желала только лучшего своему названному брату, но если бы год назад мне сказали, что этим *лучшим* станет дочь лидера городского совета, я бы заливисто захотала.

И вот где мы оказались.

Первое время я чертовски сильного ревновала его, но не потому что у меня были чувства, а потому что... Я привыкла быть единственной девушкой, значимой для Эзры, Малакай и Бишопа. Только я — и никто другой.

Мы всегда были вчетвером.

Всегда справлялись с трудностями вчетвером.

Всегда боролись с несправедливым миром вчетвером.

В груди поселилась змея, которая обнажала пропитанные ядом клыки, если в нашу семью вторгались незнакомые люди.

И когда к нам пришла она, девушка из высшего общества, которая олицетворяла собой все пороки Таннери-Хиллс, меня в прямом смысле переклинило.

Пришлось постараться, чтобы подавить ревность к Дарси. Я знала, насколько она важна для Бишопа. Только эта девушка могла подарить ему намек на счастье, изгнав из глаз клубящуюся тьму, поэтому...

Ну, мне пришлось смириться.

Взгляд скользнул правее и нашел Малакая с Леонор. Она хохотала в его объятиях, пока он сжимал ее задницу и шептал что-то на ухо. Сердце неприятно кольнуло, когда Малакай впился в ее губы поцелуем и застонал, словно мечтал сделать это несколько дней.

Не так давно я поняла, что мои чувства к нему вызваны не влюбленностью, а ощущением безопасности. Однако это не мешало зависти сжирать мои внутренности, а голосам в голове шептать, что он выбрал ее, потому что она лучше.

Богаче, изящнее, стройнее.

Леонор Монтгомери выглядела как *женищина*, которая может завоевать мир. Хотя она и правда сделала это: в Англии ее лицо знал каждый прохожий.

Ее модельная карьера взлетела до небес, когда она стала работать с Беверли Холланд, а вскоре собиралась на неделю

моды в Милане, где ее ждало еще больше контрактов и возможностей.

Известный музыкант и топ-модель. Идеальная пара.

Что представляла из себя я?

Злость и ненависть. Ничего больше.

Усмехнувшись, я достала из кармана пачку сигарет, чтобы занять руки.

— Эй вы, держите члены в штанах. У вас вообще-то есть зрители, которые забыли, когда последний раз кончали. Да, Алекс?

Джереми хохотнул и отбил мне пять.

Увидев мое приближение, сплетницы Золотого Кресла убрали телефоны и разбежались. Бишоп и Малакай оторвались от девочек, а Ребекка, по всей видимости, была на грани обморока.

— Соглашусь, меня чуть не вырвало, — простонал Джереми, откинувшись спиной на Алекса. — Если не думаете обо мне, пожалуйста, поберегите психику нашего девственника.

Он оттолкнул его и прорычал сквозь зубы:

— Отъебись, Ротшильд.

Под смех Джереми я стукнулась кулаком сначала с Бишопом, потом с Малакаем. Они одновременно, как сиамские близнецы, посмотрели на парней, и в их глазах отразилась враждебность.

— Может, не будешь их звать? — пробормотал Бишоп.

— Я уже тоже передумал, — пробормотал в ответ Малакай.

Леонор с подозрением прищурилась.

— Куда звать? Ты что-то от меня скрываешь?

— Нам одобрили выступление в Коннектикуте, Куколка. Его скорее всего перенесут, зато у нас будет время на репетиции. — Оглядев нас, он искренне улыбнулся. — Готовьтесь к путешествию.

— Серьезно? Боже, это прекрасные новости!

Леонор обняла его за шею и звонко чмокнула в щеку.

Даже мне не удалось сдержать улыбки. Я знала, насколько важна для Малакай его новая группа. Они долго готовились, репетировали, записывали студийные альбомы и, наконец, собирались впервые выйти на сцену.

Малакай близко подружился с барабанщиком Киллианом, который, по его словам, трахал каждый движущийся предмет. Про еще двух парней я пока что ничего не знала, но мы собирались познакомиться с ними на концерте.

— Ну вот, опять мы за бортом, — наигранно вздохнул Джереми. — А мне так хотелось посмотреть на голые сиськи.

Повернувшись к нему, я выгнула бровь.

— При чем тут это?

— Ты что, никогда не была на концерте? — Его глаза остекленели. — Они всегда раздеваются и бросают на сцену лифчики. Столько голых сисек я никогда не видел... И кисок...

Челюсть Леонор отвисла, и она посмотрела на Малакая.

— Это правда?

— Детка, меня интересует только одна киска.

Мы одновременно застонали.

Из ворот академии выехала машина, при виде которой я сразу же отвлеклась от разговора.

И не сдержала злорадной усмешки.

Ой, профессору Тюдору пришлось купить новую тачку? Как жаль, что он потерял пару-тройку миллионов. Надеюсь, не обеднел.

Клянусь, я кожей ощутила, как меня прожигают его серебристые глаза. Он затянулся сигаретой и выдохнул дым в приоткрытое окно красной Aston Martin, поворачивая руль тем самым движением, от которого все девушки сбрасывали трусики.

Я их не осуждала.

В этой спортивной машине, облаченный в классический костюм и с сигаретой между пальцев, которые украшали серебряные кольца, Алистер выглядел до неприличия сексуально.

Внутри поднялась жаркая волна, когда он приподнял уголок губ, прожигая меня пристальным взглядом сквозь стекла очков.

Сигарета снова появилась в уголке его идеального рта: щеки впали, а челюсть напомнила выточенный гранит. Он затянулся и провел языком по губам, медленно отвернувшись

от меня.

Это что, порно в прямом эфире?

Почему я возбуждалась, просто наблюдая за ним?

Алистер Тюдор совершенно не подходил под мой типаж, особенно для быстрого секса. Слишком идеальный, слишком богатый, слишком высокомерный. Слишком не такой, какой мне нужен.

Но... кто мне нужен? Человек, который никогда не замечал моего присутствия? Человек, который полюбил другую и оставил меня наедине со своими давними чувствами?

Безусловно, если бы мне грозила опасность, Малакай без промедлений отдал бы за меня свою жизнь. В его верности я не сомневалась, вот только он никогда не видел во мне *женщину*.

Раньше мне отчаянно хотелось, чтобы кто-то сделал это.

Увидел во мне не девочку, которая разбивала носы одноклассникам и ругалась похлеще пьяниц из Синнерса. Увидел не девушку, которая убивала по приказу свыше и довольно скалилась, чувствуя запах крови.

Раньше я хотела, чтобы кто-то увидел во мне женщину, которую много лет назад разбили на осколки и оставили истекать кровью, задыхаясь в слезах. Раньше я хотела, чтобы меня боготворили и почитали, поклоняясь каждому дюйму моего тела и души.

Раньше, но не сейчас.

Я давно поняла, что такой человек никогда не найдется.

Всё, на что я была способна — дарить мужчинам оргазмы и получать взамен малейшее удовольствие, поскольку что-то внутри меня давно умерло и не могло воскреснуть.

При этих мыслях я внутренне зарычала.

— Татум? Ты здесь?

Я вздрогнула и резко повернулась к Бишопу. Все смотрели на меня, ожидая какого-то ответа.

— Что?

— Ты не знаешь, где Эзра? — спросил он, нахмутив брови.

Любые мысли сразу же испарились, когда я услышала его имя.

Меня охватила тяжелое чувство печали. Я достала из кармана телефон и увидела, что через час должна быть на месте встречи.

Бишоп и Малакай поняли меня без слов.

— Знаю.

Глава 6

Я часто бывала на этом кладбище. Линкольн не разрешал приходить сюда маме, но меня он удержать не мог. Никто не мог удержать меня от папы.

Однако сегодня я пришла в гости не к нему.

— Привет, — мягко улыбнулась я, зная, что он этого не увидит.

Эзра повернул ко мне голову, но на его потрескавшихся губах не появилось знакомой улыбки. Выражение лица осталось отстраненным, когда невидящие глаза посмотрели в мои.

— Привет.

Сигарета свисала с уголка его рта, а пальцы левой руки,

до сих пор покрытые глиной, потому что он снова копался в саду матери, постукивали по бедру. Эзра по привычке надел толстовку и накинул на голову глубокий капюшон, из-за чего его лицо утонуло в тени.

Он не носил очки, чтобы скрыть слепоту, и категорически отказывался от трости.

Ему не хотелось, чтобы его считали другим.

Ему хотелось быть простым человеком без особенностей, к которому относятся так же, как к остальным.

Я сжала его ладонь и почувствовала шрам на тыльной стороне, который пересекал татуировку. Он никогда не рассказывал, что значит этот странный символ.

— Ты готов?

Он коротко кивнул, ничего не ответив.

Мы неторопливо пробирались между заброшенных могил, двигаясь по привычному пути. Порывистый ветер трепал волосы, охлаждая разгоряченные щеки. Я сохраняла молчание, зная, что Эзре не нужны мои слова.

Наша связь измерялась не ими.

Он доверял мне быть рядом в этот день. Только мне.

— Здесь сегодня немногочисленно, — тихо произнесла я, сворачивая на дорожку слева. — Последний раз, когда мы сюда приходили, посетителей было в три раза больше. Хорошо, что нет дождя.

— Мама и папа не любили его.

— Зато любишь ты.

Эзра невесело усмехнулся.

— Чтобы любить, нужно видеть, Татум.

— Чтобы любить, нужно чувствовать, Эзра, а ты делаешь это лучше, чем кто-либо другой, — твердо сказала я. — Не считай это проклятием. Это дар, понимаешь?

Он не ответил, продолжая молча шагать за мной к двум могилам.

В глубине души мне хотелось кричать. Хотелось разгромить это чертово кладбище. Хотелось спросить у судьбы, почему она так разозлилась на нас, что заставляет приходить в это место слишком часто.

Эзра всегда менялся несколько раз в год. В день их рождения, как сегодня, и в день их смерти. Однако последнее время я стала замечать, что его депрессивная фаза увеличивается, из-за чего он напоминает мне... маму.

Я не знала, что с ним происходит, и это пугало меня. Раньше, в школьные годы, такое происходило часто. Одну неделю Эзра шутил, сверкал окровавленными зубами в улыбке, когда в поединке избивал Бишопа или Малакая, а другую раздражался и не общался с нами, закрываясь от всего мира.

Я думала, это просто переходный возраст.

Но причина уходила намного глубже.

После аварии он окончательно стал другим. Просто... необъяснимо другим. Иногда в нем проглядывался тот сумасшедший мальчишка, с которым мы познакомились в школе, но чаще он просто молчал.

Сейчас же я вообще не узнавала Эзру, не успевая следить за сменой его состояния.

С ним что-то происходило. И я не знала, как ему помочь. — Пришли, — прошептала я.

Мы остановились напротив двух простых могил.

К глазам подкатили слезы, и я гневно смахнула их рукавом куртки. Последнее время мне слишком часто хотелось плакать, как какой-то маленькой девчонке.

Но я ничего не могла с собой сделать, когда увидела, как Эзра падает на колени перед могилами мертвых родителей.

Я всегда оставляла его наедине, чтобы он поговорил с Уиллом и Скарлетт без свидетелей, поэтому отошла к концу тропы. Однако даже отсюда до меня доносились его слова, пропитанные сокрушительной болью.

— Сегодня вам бы исполнилось сорок три, — тихо усмехнулся он, покачав головой. — До сих пор не верю, что вы родились и умерли в один день. Это так... так, блядь, больно. Мне так больно, что я не могу... не могу увидеть вас... И не могу увидеть мир, в котором живу...

Я зажмурилась, подняв голову к небу.

— Самое дерьмовое, что я начинаю забывать, как выглядят люди и вещи. Не могу вспомнить лица друзей. Не могу вспомнить красный и зеленый цвета. Я помню только ту ночь и ваши крики.

Я больше не могла слушать это, да и не должна была, поэтому прошла дальше, где его голос потонул в безмолвии

кладбища.

Устремив взгляд вдаль, опустилась на скамейку и прикурила сигарету.

Теперь мы знали, что произошло в ту роковую ночь. Эзра годами пытался понять, кто виновен в аварии, унесшей жизни родителей и лишившей его зрения, но правда оказалась тяжелее, чем мы предполагали.

Никто не был готов к тому, что машина, которая врезалась в них, принадлежала Леонор Монтгомери.

Конечно, Эзра не винил ее. Виновен был лишь один человек — Тайлер Бэйли, который уже гнил в земле на глубине девяти футов. Если бы Леонор не убила его, это сделала бы я.

Но это не отменяло того факта, что Скарлетт и Уилла больше нет.

И никогда не будет.

Я не встречала людей солнечнее и добрее. Мама Эзры обожала меня и ласково называла *Дикаркой*, а его папа всегда угощал красными яблоками, зная, как сильно я их люблю. Они разрешали мне оставаться на ночь, когда дома появлялся монстр, и мы вместе с мальчиками играли в приставку и «Монополию».

В детстве было много ужасных моментов, но столько же хороших. Воспоминания о времени с семьей Бланшар согревали меня, когда голоса в голове становились слишком громкими.

Сейчас Эзра жил один в небольшом доме отца и матери.

Его дядя Готье, маленький лысый ублюдок, которого мы терпеть не могли, ни разу не навестил его.

Я сотни раз думала вписать его имя в список своих жертв, но Эзра сказал, что его душа принадлежит ему.

— Мама! Папа! Да ответьте же вы мне!

Я закрыла уши и зажмурилась, когда кладбище прорезал надрывный крик Эзры. Сердце в груди заныло от желания обнять его и утешить, но я знала, что сейчас ему это не поможет.

Когда я приходила к отцу, то кричала точно так же.

Люди лгали, утверждая, что время лечит.

Это неправда. Ничего оно не лечит.

Спустя двадцать минут вдалеке показалась покачивающаяся фигура, и я поднялась со скамейки, устремившись ей навстречу. На щеках Эзры виднелись мокрые дорожки, которые я тут же стерла рукавом куртки.

— Легче?

— Немного, — прошептал он. — Спасибо, что пришла, Мышка.

На губах появилась легкая улыбка.

— Всегда, Эзра.

Взяв его под руку, я в такой же тишине повела нас к выходу, специально как можно дальше обходя могилу отца.

Сегодня я не была настроена на встречу, а если бы взглянула на его фотографию, точно осталась бы лежать на сырой земле, как несколько недель назад.

Когда мы почти вышли с кладбища, Эзра резко остановился.

— Что такое?

— Я... слышу кого-то. — Он нахмурился и повернул голову в сторону. — Я слышу ее.

Я недоуменно осмотрелась, но никого не заметила.

— Кого?

Отстранившись от меня, он медленно побрел в противоположную сторону. Его шаги были неуверенными, но он словно чувствовал, куда нужно идти.

Только когда мы прошли несколько метров, я услышала чей-то плач.

— Господи, ты даже не представляешь, как мне плохо без тебя, — всхлипнула девушка. — Ты хотела, чтобы я стала врачом и... Я п-почти стала им, мамочка. Прямо как ты. Но он... он постоянно делает мне больно... Никто не понимает меня, кроме тебя...

Эзра не отрывал взгляда от маленькой фигурки, свернувшейся на могиле, словно видел ее.

Когда она сбросила капюшон с огненно-рыжих волос, я удивленно открыла рот, распознав в ней...

Изабель.

— Никому не говори об этом, мам, но он... Он держит в подвале ту девочку, — прошептала она, и мое сердце провалилось в пятки. — Я каждую ночь слышу ее крики и мольбы о помощи. Я боюсь, что скоро она умрет. Что мне делать?

Идти в полицию?

Она говорила про Эмму.

Блядь, она говорила *про Эмму*.

Эзра так и замер на месте, не отрывая белесых глаз от Изабель, пока меня трясло от ярости.

Этот ублюдок де Кастро держал ее в подвале. Бил. Насиловал. Издевался. Он мог делать с ней что угодно, и никто не мог ей помочь.

Убийство директора привлечет слишком много внимания, особенно когда в его академию недавно перевелась студентка Темного Креста, а город полнился слухами о серийном убийце.

Я не могла так рисковать.

— Ты можешь забрать меня к себе на небеса? Я больше так не могу, мамочка...

Услышав эти слова, Эзра сделал шаг.

Ветка под его ногой хрустнула.

Я схватила его за кожаную куртку и затащила за дерево. Изабель резко повернулась, но мы уже скрылись в тени.

Я прижала руку ко рту Эзры и приказала молчать.

На кладбище опустилась тишина, в которой слышалось лишь наше тяжелое дыхание.

Спустя пару секунд вдалеке раздались легкие шаги, и я облегченно опустила плечи. Изабель ушла в другом направлении, оставив нас одних.

— Как ты слышал ее? — спросила я и убрала руку от его

лица.

Эзра повернул голову в сторону могилы.

— Не знаю. Просто... почувствовал.

Глава 7

Всю следующую неделю у меня даже не было возможности встретиться с ребятами и рассказать, что мы узнали об Эмме Карлтон.

К наступлению октября профессора решили завалить нас заданиями, поэтому каждый вечер я молилась Гетте, Эдгару Аллану По и Джейн Остин, а чтобы окончательно не свихнуться, немного выпивала.

Совсем немного. Бутылку.

Или три.

Да, я знала, что это зависимость. Что мне стоит стараться сильнее. Что маме не нужен второй алкоголик в семье.

Но, черт возьми, как же хорошо водка притупляла чув-

ства.

Когда я не пила, то срывалась, а когда я срывалась, это приводило к непоправимым последствиям — как в тот раз, когда Линкольн избил меня и выбросил на улицу, как бездомную собаку. Или когда я сбежала и ночевала за мусорным баком, из-за чего у меня началось обморожение, которое заметили парни.

Последние дни я старалась не пересекаться с Линкольном и делала вид, будто мама не передвигается по дому как призрак, но получалось у меня, будем честны, сносно.

Поэтому я выбирала другой путь.

Путь в забытие.

Когда профессор Тюдор вошел в аудиторию, все однокурсницы как по команде выпрямились. Одни начали подкрашивать губы, другие расстегнули верхнюю пуговицу, обнажив декольте, и захлопали густыми ресницами.

Внутри зародилось мерзкое чувство, которое я постаралась подавить.

Они думают, что могут стать той единственной для Алистера Тюдора? Для человека, который спит с известными моделями и актрисами, отвергает эксклюзивность и не собирается обременять себя браком?

Господи, как наивно.

Такие люди никогда не меняются. Если они чувствуют власть, то пользуются ей до последнего входа.

— Сегодня мы проведем небольшой индивидуальный за-

чет. — Профессор привалился бедром к столу и сложил руки на крепкой груди. — Я буду вызывать вас к себе и давать одну тему, о которой вы должны рассказать. Ничего сложного.

Ладно, я не могла не признаться в том, что Тюдор привлекает меня на физическом уровне.

Мне льстило, что я обратила на себя внимание мужчины старше, опытнее и... опаснее. Запретность связи, возникшей между нами тем вечером в баре, придавала остроты, а осознание того, что вскоре я пролью его кровь, заводило еще сильнее.

Мне не терпелось искромсать его. Препарировать. Увидеть внутренности.

Услышать мольбы о помощи.

Было бы неплохо перед этим хорошенько трахнуть его. Я лгала, когда утверждала, что его член маленький. Во время танца на барной стойке мне открылся вид на внушительную длину, натянувшую брюки.

Он был большим. М-м-м, очень большим...

— Остин Гилберт, прошу вас пройти за стол, — раздался его бархатистый голос.

Взяв в руки телефон, я напечатала сообщение.

Я: Прежде чем вы вызовете меня, вам нужно кое-что знать.

На губах появилась усмешка.

Я: Под моей юбкой ничего нет.

Я: Совсем ничего.

Я потеряла друг о друга бедра, чувствуя, как клитор пульсирует и набухает. Короткая юбка едва прикрывала задницу, так что если сидящий рядом парень наклонится под стол, то увидит мою мокрую киску.

Свою спонтанность я списала на алкоголь. Он всё еще не выветрился из крови после того, как я выпила полбутылки виски.

Унс, или две.

Профессор Тюдор услышал вибрацию телефона и, опустившись в кожаное кресло, разблокировал экран. Я поерзала на месте в ожидании его реакции.

Ни один мускул на его лице не дрогнул. Как ожидаемо.

Он привычным движением провел ладонью по челюсти и убрал телефон в карман, поправив очки. Его взгляд, холодный и острый, тут же нашел мой, словно он запомнил, где я сижу.

Я усмехнулась и подмигнула ему.

— Первая тема, — откашлялся Остин, заняв стул рядом с профессором. — Глобализация. Простыми словами, это процесс, при котором мир превращается в единый рынок, а все товары, услуги и капитал...

Перестав слушать его, я задумчиво побарабанила пальцами по столу.

Как же вывести тебя на эмоции?

Решение нашлось еще до того, как я его придумала.

— Привет, красотка... — наклонившись ко мне, прошеп-

тал сидящий рядом парень. — Раньше я тебя здесь не видел. Ты же недавно перевелась к нам?

Я повернулась к нему и прикусила ручку, смягчив взгляд.

— Это мой первый год в АЗК. Приятно, что ты меня заметил.

Он был привлекательным, но... обычным. Каштановые волосы, карие глаза, худощавое телосложение. Почему-то в последнее время меня привлекал другой тип мужчин.

— Тебя невозможно не заметить, — ухмыльнулся он и положил руку на спинку моего стула. — Я Коннор. Уже нашла кого-то, кто проведет тебе экскурсию?

— Я могу предложить занятие... *поинтереснее*.

Похоть просочилась в его глаза, когда он оценивающе осмотрел меня и остановился на кружевных чулках. Прохладные пальцы заскользили по моему бедру, и я тихо вздохнула, словно это приносило мне наслаждение.

Алистер повернул голову на звук.

Наши взгляды столкнулись.

От интенсивности этого мимолетного контакта каждый дюйм кожи наэлектризовался, превратив меня в оголенный нерв.

Черт, я всегда буду так реагировать на его глаза? Почему они так манят меня?

Я взяла в руки телефон и напечатала следующее сообщение, пока Коннор продолжал соблазнительно шептать что-то мне на ухо.

Я: *Я не буду ждать вас и найду того, кто правда во мне заинтересован. У всех есть потребности, профессор Тюдор. Если их не утолите вы, то это сделает кто-то другой.*

Я кожей ощутила, как лед Алистера трещит по швам, пока он вертит в руке телефон. Нужно надавить еще немного, чтобы тот окончательно разбился.

— Правду говорят, что ты... Ну, как бы так сказать, — протянул Коннор, пытаюсь найти подходящие слова. — Общаешься с парнями за...

— Трахаюсь с парнями за деньги? — громко спросила я и игриво провела пальцами по его волосам. — Да, правда. Могу сделать скидку, если отлижешь.

— Мистер Блейк.

Я подавила победную улыбку, когда в классе раздался ленивый голос Алистера.

Коннор непонимающе посмотрел на него.

— Ваша очередь, — произнес профессор с присущим ему равнодушием, подперев подбородок кулаком.

— Но я же в середине списка...

— Если ослушаетесь, поставлю низший бал.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы не засмеяться, когда Тюдор мельком опустил взгляд на мое бедро, где секунду назад лежала рука Коннора.

Он сразу же отвернулся, но я увидела выступившие на его скулах желваки.

Собственнический.

Мне нравится.

Алистер только со стороны казался таким безразличным ко всему, что происходило вокруг. Внутри него тлели угли, которым нужна одна-единственная искра, чтобы воспламениться.

Даже сейчас я чувствовала, как исходящая от нас энергия сталкивается и вихрится под потолком. Никто не замечал этого, кроме нас двоих.

Этого противостояния.

Этой зависимости.

Этой отчаянной *жажды*.

Как бы он ни скрывался, его взгляд всегда искал мой.

Моя ненависть к профессору Тюдору никуда не делась, но сегодня я о ней не думала. Затуманенный алкоголем мозг уже нарисовал эротические сцены, в которых он играл главную роль.

Это не первый раз, когда я представляла, как опускаюсь перед ним на колени и беру его в рот, обводя языком каждый дюйм шелковистой плоти. Как он погружает пальцы в мои волосы и хрипло шепчет мое имя, вбиваясь глубже и глубже. Как я растягиваюсь на его столе и, схватившись за поверхность, отвечаю на резкие и дикие толчки...

— Мисс Виндзор.

Я бы специально называла его профессором Тюдором, чтобы снова наблюдать за тем, как сужаются его зрачки. Темной стороне его души нравилось, когда я так обращалась к

нему.

Блядь, меня затопило такое первобытное желание, что дыхание перехватило. Я поерзала на стуле и попыталась снять жжение в чувствительном центре, но мне нужно было только одно.

Он.

— Мисс Виндзор!

Я подпрыгнула на месте и уронила ручку.

— А?

— Ваша очередь.

Насмешливый взгляд Тюдора не отрывался от меня, пока я пыталась отогнать наваждение.

Проклятье, он явно догадывался о моих мыслях.

Придется импровизировать.

Взяв телефон, я спустилась по лестнице и заняла стул, который располагался рядом с профессором. Теперь наши тела от ног до талии были скрыты столом от однокурсников.

Его взгляд опустился на перечень тем.

— Модель IS-LM в макроэкономической динамике.

Вытянув ногу, я *случайно* коснулась его туфли.

Он медленно поднял голову.

По телу пробежалась искра возбуждения, когда тьма в его глазах вытеснила серебристый цвет. Короткого прикосновения хватило, чтобы кусочек ледника с треском откололся.

— IS в интересующей нас модели — это кривая, которая показывает равновесие на товарном рынке, — медленно на-

чала я, скользя ботинком вверх по его ноге. — Соответственно LM обозначает кривую, показывающую равновесие на де-нежном рынке...

Приняв мой вызов, Алистер устроился поудобнее.

Я переместила ногу на центр его кресла. Он в ожидании выгнул бровь, но когда носок ботинка надавил на его член, то скривил губы от боли.

Довольно оскалившись, я продолжила рассуждать:

— Модель не описывает, как инвестиции сегодня влияют на запас капитала завтра. Это требует динамической модели IS-LM с накоплением капитала или модели IS-MP...

Я переместила ногу и уперла ее справа от бедра профессора, из-за чего юбка соскользнула к талии. Затем подняла левую так, что фактически загнала его в ловушку.

Он даже не стал сопротивляться.

Подперев подбородок кулаком, Алистер опустил взгляд на мою обнаженную киску.

Его лицо осталось непроницаемым.

Совершенно пустым и лишенным реакции.

Однако на долю секунды маска треснула.

Со стороны казалось, что Тюдор просто перестал интересоваться моим ответом и сосредоточился на чем-то другом — и только я видела, как его зрачки расширяются, а дыхание становится поверхностным.

От голода, поселившегося на глубине металлических глаз, внутри меня вспыхнуло пламя. Я продолжила говорить раз-

меренным голосом, пытаясь не звучать слишком возбужденно.

— Что в экономике... — Алистер провел языком по пересохшим губам, скрывая то, как хрипло звучит его голос. — Что в экономике называется рациональными ожиданиями?

Ну давай же. Сломайся.

Я провела рукой по столу и зацепила перечень тем.

— Ой, прошу прощения... Пойдите, я подниму.

Алистер подозрительно сузил глаза, когда я медленно опустилась перед ним на колени. Теперь стол полностью скрывал меня от глаз студентов.

Не разрывая зрительного контакта, я наклонилась к его паху и провела языком по отчетливой твердости, скрытой брюками.

Алистер зашипел сквозь зубы.

— Профессор, я не очень понимаю смысл последней темы. Вы можете объяснить?

Услышав вопрос из класса, он взял эмоции под контроль и поправил очки. Я снова облизнула его член, большой и пульсирующий через ткань, чувствуя мужественный запах.

Как я и думала. Он заполнит каждую часть меня, когда окажется внутри.

— Да, последняя тема. — Голос Алистера стал таким раскатистым и грубым, что я внутренне застонала. — Она рассказывает о том, что экономика стремится к устойчивому состоянию, где инвестиции равны амортизации...

Я поднялась и заняла прежнее место, мысленно исполнив победный танец. Мне удалось выбить из колеи этого угрюмого и самовлюбленного мудака!

Где моя шоколадная медаль? Где орации?

Взгляд мельком окинул класс. Никто ничего не заметил. студенты продолжали болтать, параллельно готовясь к вопросам.

Я разблокировала телефон, который ранее положила на стол.

Я: *Ты очень вкусный.*

Я: *Я видела, как ты смотрел на мою киску.*

Я: *Мы бы могли трахаться каждый день. Тебе же нравится, как я выгляжу в этой форме? Всегда мечтала о ролевой с профессором и студенткой. Нам даже не нужно притворяться, Алистер.*

Закончив отвечать на вопрос, профессор кивнул мне, чтобы я продолжила, и опустил взгляд на экран телефона. Меня раздражало, что я снова не могла распознать его эмоции.

Он считал меня сумасшедшей?

Или был таким же, как я?

Что крылось за этой маской невозмутимости? Он забавлялся надо мной или действительно получал наслаждение от этой маленькой игры?

Взгляд Алистера наконец-то оторвался от телефона. Он задумчиво провел языком по зубам, рассматривая меня, как некую диковинку. Может, я и правда была для него слиш-

ком... сложной?

Большинству мужчин не нравились трудности.

Однако, окинув аудиторию медленным взглядом, профессор будто принял какое-то решение. Он открыл верхний ящик стола и достал оттуда...

Подождите, серьезно?

Он держал в столе секс-игрушки?

Впервые в жизни я опешила. Действительно, мать его, охренела.

Мне захотелось рассмеяться, когда я поняла его ответный выпад. Этот ублюдок собирался взять меня на слабо. Он думал, что я отступлю и испугаюсь, не решившись ублажать себя во время занятия.

— Вы закончили? — откинувшись на спинку кресла и закинув ногу на ногу, будто сидел на троне, спросил Алистер. Его вопрос имел двойное дно.

Он давал мне возможность сбежать.

Но я никогда этого не делала, давно перестав бояться чего-либо. Наверное, это плохо, что меня практически ничем нельзя напугать. Было лишь несколько слабых мест, привязанность к которым я хотела разбить, как треснувшее стекло, чтобы стать неуязвимой, но знала, что никогда не смогу этого сделать.

Может, мое сердце очерствело не до конца.

— Не закончила.

Приподняв уголок губ, профессор бросил игрушку мне на

колени.

— Тогда старайтесь лучше, мисс Виндзор.

Я провела пальцами по приятному материалу и оценила размер. Это был небольшой вибратор с приспособлением для клитора. Я никогда таким не пользовалась, довольствуясь пальцами.

Алистер смотрел на меня этими бездушными, сосредоточенными глазами, и я впервые заметила, что к краям радужки металлический цвет переходил почти в белоснежный.

Мне нужно было увидеть, как он теряет контроль и сходит с ума от желания, потому что не может сопротивляться мне. Нужно было увидеть его перед собой на коленях. Не только в физическом плане, но и в эмоциональном, чтобы одержать победу над телом и разумом.

Привязать к себе и растоптать.

— Хорошо, давайте продолжим.

Откинувшись на спинку стула, я развела бедра в стороны. И медленно ввела игрушку внутрь.

На задворках сознания замелькали раскаленные добела искры, а воздух сорвался с губ тонким стоном, который я быстро проглотила.

Глаза Алистера дьявольски блеснули, когда мой голос задрожал. Он наклонил голову вбок, готовый наблюдать за представлением.

Лучше бы помог мне засунуть в себя эту штуку, раз такой опытный.

Мудак, блядь.

— Модель была р-разработана экономистами Джоном Хиксом и Элвином Хансеном и впервые представлена в тысяча девятьсот... тридцать седьмом... году...

Голос сорвался, когда игрушка начала вибрировать.

Святое дерьмо.

От удовольствия глаза чуть не закатились к затылку, а пульс безжалостно застучал в висках. Игрушка прижалась к чувствительной точке, из-за чего голова закружилась, став ватной.

Я даже не думала, что это... что это так... приятно...

Опустив ногу, Алистер упер локти в колени и наклонился ближе.

— Мисс Виндзор, вы хорошо себя чувствуете?

Мне хотелось закричать, чтобы он пошел нахрен, но вместо этого я зажмурилась и кивнула.

— Д-да... я просто немного... переволнова-а-алась...

Господи, какой позор. Я застонала.

Алистер скрыл смешок за покашливанием и нажал кнопку в телефоне. Отлично, вот откуда он управлял этой штукой, которая начала... вибрировать... сильнее...

Трение о внутренние стенки заставило меня поджать пальцы на ногах. Я и так была влажной, но сейчас промокла до основания. Если бы однокурсники перестали болтать, то услышали бы каждый постыдный звук.

Черт, даже не знаю, что завело меня больше: горячий

взгляд Алистера, положение, в котором мы оказались, или вибратор внутри меня.

Всё и сразу, определенно.

Мне требовалось неземное самообладание, чтобы не откинуть голову, закричав от стимуляции. Вместо этого я продолжала отвечать дрожащим голосом на вопрос, с каждой секундой теряя концентрацию.

Это слишком. Я не была готова к этому.

Впервые я не справлялась с чьим-то ударом.

Алистер же получал садистское удовольствие, наблюдая за моими мучениями. Клянусь, если бы нас не окружали студенты, он бы связал меня и держал эту штуку внутри до тех пор, пока я не лишусь сознания.

Это было видно по его глазам и мрачной улыбке, в сочетании с которой шрам выглядел еще более устрашающим.

Он снова нажал на кнопку.

Господи... Я сейчас кончу...

— Что?

Алистер не мог сдержать довольной ухмылки.

Блядь, я сказала это вслух?

— Я... сейчас закончу, — выпалила я. — Да, я почти закончила отвечать на... вопрос...

Боже, я не могла опозориться при всем классе. Кажется, мои бедра никогда так не дрожали, а это могло означать лишь одно.

По позвоночнику пробежала молния. Я хлопнула ладонью

по столу и сжала перечень тем, встретив взгляд Алистера. Его глаза не отрывались от моего лица. Никто и никогда не смотрел на меня так пристально, когда я кончала.

Да, еще немного...

Всё внутри меня сжалось от надвигающегося оргазма, что грозил опрокинуть меня в пропасть.

Татум, не здесь!

— Мисс Виндзор, куда вы собрались?

Подорвавшись с места, я пулей рванула к выходу.

Ноги кое-как держали меня, пока горячая волна скапливалась между бедер. Спираль в животе натянулась, готовясь сорваться, как спусковой крючок. Я закусил губу, чтобы не закричать от эйфории, и распахнула дверь.

— Я сейчас вернусь!

Кончу и вернусь. Обязательно.

Спасибо, что мне хватило сил добежать до туалета.

Ворвавшись в кабинку, я подняла юбку, но не успела достать игрушку. Меня охватил самый мощный, самый сокрушительный в жизни оргазм. Я укусила ладонь и закричала, закатив глаза от блаженства.

Волны накатывали одна за другой, где каждая была сильнее предыдущей. По щеке скатилась слеза от интенсивности кульминации. Я падала в омут экстаза, перестав дышать, двигаться, *существовать*.

Никогда бы не подумала, что смогу кончить... вот так.

С вибратором внутри.

Перед своим преподавателем.

Мы втянули друг друга в схватку разума, конец которой был предreshен. Это начиналось как легкое заигрывание, но переросло в нечто большее — желание подчинять и властвовать.

Никто из нас не собирался сдаваться. Это было так же опасно, как и захватывающе.

Выбравшись на шатких ногах из кабинки, я уперлась ладонями в раковину и тяжело выдохнула. Зрачки в отражении расширились, а губы были влажными и распухшими, словно я не переставая целовалась несколько часов.

Я: *Не празднуй раньше времени, профессор Тюдор.*

Я: *Наша игра только начинается.*

Глава 8

«За дерзкий вкус человек расплачивается горечью».

Данте Алигьери знал это еще тогда, когда рассказывал о первом запретном плоде. О тех самых Адаме и Еве из Эдемского сада, ставших воплощением греха и его последствий.

Сначала тебе хочется попробовать. Потом еще, еще и, блядь, еще. А затем ты уже не помнишь, когда именно желание стало частью тебя.

Данте называл первый вкус *дерзким*. Наверное, он был прав.

Самые опасные желания редко приходят к человеку с предупреждением. Они просто оказываются перед тобой — манящие, завораживающие, недостижимые. И ты уже знаешь,

чем всё закончится. Знаешь, что после сладости во рту останется горечь. Знаешь, что за один шаг придется заплатить слишком высокую цену.

Но всё равно продолжаешь смотреть.

На нее.

На этот проклятый плод.

И думаешь только об одном: *а вдруг горечь того стоит?*

Когда-то я тоже считал, что существует граница, которую невозможно переступить. Оказалось, границы существуют только до тех пор, пока ты не сделаешь первый шаг.

Мы с Татум его сделали.

Мог ли я предположить, что она на самом деле доведет себя до оргазма с помощью секс-игрушки, да еще и во время занятия?

Мог, но всё равно сомневался.

Наверное, я до последнего надеялся, что она окажется слабой и сдастся. Так было бы проще. Так я давно потерял бы к ней интерес, что с каждым днем разрастался и разрастался, как языки пламени от порывистого ветра.

Но Татум оказалась такой же сумасшедшей, как и я.

Поэтому не переставала принимать мои вызовы.

Во время занятия меня так и тянуло придумать отговорку и вывести ее из класса, чтобы затащить в туалет и показать, каково это — кончать от моего члена.

Вид ее розовой киски был слишком соблазнительным, а запах возбуждения до сих пор не выветрился из кабинета,

заставляя меня по кругу вращать в голове воспоминания.

Либо я просто отказывался забывать их.

Ее тонкие пальцы на припухших складочках.

Влага, стекающая по дрожащим бедрам.

Отчаянный голод в слезящихся глазах.

Это было самое горячее, что я видел — как Татум Виндзор сдерживает оргазм при своих однокурсниках, сидя передо мной с раздвинутыми бедрами и игрушкой в трепещущей киске.

Мне не терпелось узнать, что будет дальше.

На что еще она способна?

Я не удалил видео ее убийства, свидетелем которого стал несколько месяцев назад, пересматривая его каждый вечер. Это было ритуалом, без которого я чувствовал себя... неполноценным. словно если не увижу маску с красными крестами и не услышу смех, будоражащий кровь, планета начнет крутиться в другую сторону.

Я долго пытался понять, что значит моя глубокая привязанность к той ночи.

Но потом нашел ответ.

Это чем-то напоминало одно из психологических понятий — мгновенное запечатление образа во время переживания сильных эмоций. Ты возвращаешься в прошлое, анализируешь, заново пропускаешь через себя каждый миг, даже если воспоминание приносит тебе боль. Оно запечатывается на подкорке сознания и остается там навсегда, напрочь меняя

твою психику.

Я пересматривал видео и чувствовал... *восторг*, наблюдая за тем, как Татум расправляется с жертвой. Безжалостно, цинично, не испытывая угрызений совести, словно очищает мир от зла.

Так ли это было на самом деле? Что связывало тех мужчин, которых она буквально пропустила через мясорубку?

Хочет ли она сделать то же самое со мной?

Я бы провел весь вечер с мыслями об этой девчонке с психопатическими наклонностями, но у меня, к сожалению, были дела поважнее.

Дэмиен и Тесс завалились ко мне в спальню, когда я уже крепил к кобуре пистолеты, одетый в джинсы и толстовку с накинутым на голову капюшоном. Часы показывали одиннадцать ночи.

— Вы принесли кофе?

— Эспresso с корицей, — скривилась Тесс и протянула мне стаканчик. — Омерзительно. Не понимаю, как ты пьешь это дерьмо.

Дэмиен фыркнул.

— Латте на банановом лучше?

— Не оскорбляй банановое молоко!

— Мне больше по душе грудное. — Он поиграл бровями и облизнул нижнюю губу. — Если понимаешь, о чем речь, профессор Ланкастер.

Щеки Тесс вспыхнули алыми пятнами.

— Алистер, выгони этого извращенца!

Я всё еще поражался, как девушка, краснеющая при виде мужчин, может дружить с кем-то вроде Дэмиена. То есть знаете, пока Тесса Ланкастер преподавала историю, он мог поджечь Тауэрский мост. Без шуток. Однажды Вульф попытался сделать это, выпив бутылку ликера.

Эти двое всегда были как кошка с собакой. Я выступал третьей стороной, которая разнимала их, потому что мне же больше нечем, блядь, заняться.

— Шевелитесь, — бросил я, зашнуровав армейские ботинки. — Если опоздаем, другой возможности не будет.

Тесс привалилась плечом к дверному проему.

— Уже знаешь, кто может стать главным героем сегодняшнего цирка?

— Проще простого, — пропел Дэмиен. — Лоренс де Кастро.

Я покачал головой.

— Сомневаюсь.

— С чего бы это?

— Слишком маленький и глупый персонаж. Он не страшен, а именно это им нужно.

Через час, в полночь, мы втроем оказались на месте.

Никто не заходил в лес, окружающий Академию Золотого Креста, по собственной воле. В этом месте запах прогнивших листьев сплетался со смрадом разлагающихся воронов, кости которых хрустели каждый раз, когда ты делал шаг.

Шаг.

Шаг.

Шаг.

Меня с детства привлекал Таннери-Хиллс, но проживающие здесь люди разрушили его до основания.

Со стороны приезжие видели перед собой город, наполненный отголосками викторианской эпохи, которые искусно сплетались со стеклянными высотками и бизнес-центрами, где денежный оборот составлял девяносто процентов от оборотов всей Англии.

Но ночью, когда на улицы опускался промозглый туман, город тонул в пороках и аморальности.

Если бы мне не нужно было вернуться сюда по особой причине, я бы никогда не покинул Лондон, а лучше остался бы в Италии или России, чей менталитет колоссально отличался от нашего.

Но жизнь распорядилась иначе.

Я двигался по вытоптанной дорожке и пытался не надрать задницу Дэмиену, который препирался с Тесс так громко, что слышал весь лес.

— Ты можешь, блядь, заткнуться?

— Спасибо, что озвучил мои мысли, — пробормотала она.

Дэмиен закатил глаза.

— В вашей богатенькой академии все такие зануды? Ну же, милая, перестань так хмуриться. Ты всего лишь следишь

за самой опасной организацией, которая может испортить жизнь не только тебе, но и твоим детям, которых еще нет.

— Иди в задницу.

— Только если в твою.

Вероятнее всего, человек со стороны принял бы нас за компанию безумцев-одиночек. По факту так и было: нас сплотило желание найти душу, которой можно высказаться и не получить в ответ осуждение.

Кто же знал, во что это выльется.

Как минимум в то, что мы с Дэмиеном прочесали половину Азии и прикончили в процессе столько работоторговцев, сутенеров и убийц несовершеннолетних, что я сбился со счета. Как максимум он сказал, что если они вдвоем не будут выносить кольца на моей свадьбе, то отрежут мне яйца.

Никакого давления, спасибо большое.

— Ты слишком напряженный, Али. Что на этот раз сделала малышка Виндзор?

— Назови ее малышкой еще раз, и я организую твои похороны.

Дэмиен и Тесс переглянулись.

— Не помню, когда последний раз видел его таким одержимым.

— Думаю, никогда.

— Прекратите говорить так, будто меня здесь нет, — пробормотал я, раздражаясь от их переглядок. — По академии вообще ходит слух, что ты, Тесс, беременна от моего брата.

Она тут же дала подзатыльник Дэмиену.

— Вот идиот, который это придумал.

— Эй, я даже ни разу не был в вашей академии!

— Но это не помешало тебе создать паблик «Сплетница АЗК». Тебе шесть или двадцать шесть?

Он мрачно улыбнулся.

— Нужно же как-то разбавить ваши серые будни. И не говори, что тебе не понравилось предложение Ротшильда стать папочкой твоего нерожденного ребенка... Молчишь, да? — Дэмиен хохотнул. — Я раскусил тебя, профессор.

Тесс всегда была более закрытой и стеснительной, чем мы двое, в особенности на людях. Она в принципе не любила находиться в центре внимания, но мы с Дэмиеном помогали ей раскрепоститься.

Не в том смысле, о котором вы подумали.

Хотя Дэмиен и пытался затащить ее в постель.

Ладно, на самом деле я чувствовал, что Тесс только притворяется адекватной. Поставлю на кон всё свое состояние, что она та еще психопатка с этой милой улыбочкой и ножом-бабочкой под юбкой.

— Подождите. — Она резко остановилась и вскинула руку. — Кажется, я их слышу.

Вдалеке показались огни факелов. Я скользнул за широкий ствол дерева и подавил любую эмоцию, как делал на протяжении многих лет. Тесс и Дэмиен скрылись за раскидистым дубом, прижав к груди пистолеты.

Восемь темных фигур в масках, похожих на маску Анубиса, образовали идеальный круг. Раньше их было девять, пока кто-то не убил Тайлера Бэйли. Удивительно, но это даже были не мы.

Липкое чувство пробралось под кожу, когда я увидел вырытую яму и сооружение, находящееся по центру между Вершителями. Они замерли совершенно обездвиженные, и даже осенний ветер не трепал полы их плащей.

Остановившись на пустом пространстве между двумя членами Круга, новоприбывший человек — девятый — коротко бросил:

— Во благо Круга Данте.

— Во благо Круга Данте, — раздался строй тихих голосов.

Мы с Тесс и Дэмиеном перестали дышать, наблюдая за происходящим. Вороны вспорхнули с веток и устремились в темное небо, на котором не было ни одной звезды.

Инициация считалась главным этапом при вступлении в общество. Ее проходили не только Вершители, но и представители низших каст: Палачи, Жнецы, Надзиратели и Мирные.

Они отличали друг друга по цифрам на монетах. У Мирных на задней стороне была выгравирована цифра один, у Надзирателей — два, у Палачей и Жнецов, что перевозили товар — три, а у Вершителей — четыре.

И только у главного — пять.

Сегодня мы станем свидетелями того, кто займет место

Тайлера.

Кто станет девятым.

— Когда ты стоял у двери во тьме и молил о признании, тебе открыли, — протянул монотонным голосом Вершитель. — Никто из нас не заставит тебя прозреть, но мы можем снять пелену с твоих глаз и помочь увидеть мир таким, какой он есть.

Я не открывал взгляда от мужчины, которого они называли *Верховным*. Именно он возглавлял общество на протяжении двадцати лет, после того как скончался последняя глава и прадед Дэмиена — Фридрих Вульф.

По телу прокатилось легкое волнение. Я посмотрел на Тесс и Дэмиена и различил в их позах напряжение, сковавшее плечи.

Хоть мы были мастерами своего дела и скрывались лучше, чем спецназ (когда Дэмиен закрывал рот), заявляться на инициацию всё равно было слишком рискованно.

Но только так мы могли узнать правду.

— Ты присутствуешь на инициации в тайное общество Круг Данте, созданное нашими братьями и сестрами много веков назад с целью отпущения за человеческие грехи. Сила каждого из нас заключена в крови — так поклянись на ней, что вовеки веков будешь служить нам, а каждый твой шаг будет сделан во благо процветания общества.

Девятый медленно приблизился к Верховному, обойдя вырытую яму. Он был высоким, но ниже меня и более худо-

щавым. Что-то в его фигуре показалось мне знакомым, но...

Кто он?

Верховный протянул ему наточенный кинжал и человеческий череп, оставив при себе кубок с гравировкой «Во благо Круга Данте».

В идеальной тишине послышался знакомый смешок.

Мы с Дэмиеном и Тесс переглянулись, не сдержав закатывания глаз. Я представил, как расчлению Гидеона Уильямса и закапываю его труп прямо в этом лесу. Яблоко от яблони недалеко падает, так что его сыночка Кейджа я бы тоже придал земле.

Девятый сжал в руках череп и кинжал и опустился на колени.

Прислушавшись к тихому голосу, я наострил слух...

И застыл, как каменное изваяние.

— Я, Николас Тюдор, перед лицом наставника нашего, всевышнего Данте, отрекаюсь от своего имени, своей воли и своих слабостей. Отныне моя свобода принадлежит Кругу. Моя тайна — ваша тайна. Моя жизнь — ваша жизнь. А моя смерть — ваше молчание...

Меня словно парализовало.

Я моргнул один раз. Второй. Третий.

Что?

Кто угодно мог находиться на этом месте. Кто угодно мог примкнуть к людям, эксплуатирующим девушек и парней, чтобы заработать кровавые деньги. Кто угодно мог выбрать

власть вместо человечности.

Но это сделал Николас.

Мой родной брат.

— Клянусь кровью, что течет в моих жилах. Клянусь землей, что примет мое тело. Клянусь огнем, что очистит мою душу, — прозвучал в тишине голос, который я ежедневно слышал до восемнадцати лет. — Отныне мое сердце принадлежит братству и будет биться до тех пор, пока смерть не примет меня в свои объятия.

Каждое его слово пеплом рассыпалось на моем языке, пока безмолвие становилось свидетелем произнесенной клятвы.

Я покачал головой, стиснув челюсти так сильно, что зубы могли раскрошиться.

Маленький ублюдок.

Как я раньше не догадался? Черт возьми, мой брат был самым расчетливым и изворотливым человеком в Таннери-Хиллс. Нужно было убить его десять лет назад, как я и собирался.

Николас провел лезвием по левой ладони и крепко сжал ее, отчего алая жидкость закапала на череп. После этого он переместил ее к кубку, который держал Вершитель, и кровь полилась в сосуд.

Я не отводил от него взгляда, пока порывы ветра уносили шепот вдаль.

— Если ты предашь общество, твой язык онемееет, твой

глаз померкнет, а душа сгниет в аду, — прохрипел Верховный. — Мы найдем тебя, твоих детей и даже твою тень. Здесь нет прошлого и нет имен. Здесь есть только долг перед основателями Круга и его посланниками.

Николас поднял маску и откинул ее на затылок. Ветер взъерошил пшеничные волосы. Сейчас он выглядел как точная копия отца в молодости.

Как иронично.

— А теперь выпей это и докажи, что мы можем доверять тебе, — приказал Верховный.

Он сделал несколько глотков, смотря в его глаза.

— Пришло время придать твою душу земле, Николас Тюдор. Через это проходит каждый член общества, поэтому приготовься умереть. Приготовься проводить в последний путь того, кем ты был на протяжении двадцати одного года.

Николас поднялся с колен. Четыре фигуры подошли к деревянному гробу и схватились за цепи. Когда они стали опускать его в яму, я почувствовал ледяное оцепенение.

— Дело за малым. Переживи час — и восстань новым человеком.

Один из членов общества потянул за цепь, и крышка открылась. Николас спрыгнул вниз, отчего по лесу раздался глухой стук. По звону и бормотаниям я понял, что они бросают в гроб монеты Круга.

В древнегреческой мифологии существовал персонаж по имени Харон, который перевозил души умерших через реку

Стикс в подземное царство мертвых. За это ему давали плату — монету, которую клали умершему под язык или на глаза.

Чтобы попасть в Круг, Николас должен был умереть. Поэтому его буквально хоронили заживо и провожали в другое царство.

Моего брата.

Моего брата, который окончательно отвернулся от меня.

От нее.

Он сделал свой выбор. И этот выбор был противоположен моему. Мы заняли разные стороны в битве, победное знамя в которой поднимет лишь один.

Как славно, что я давно забыл о чести.

Убить брата будет самым легким решением в моей жизни.

Глава 9

Семейный особняк навевал на меня не самые лучшие воспоминания, особенно когда в нем присутствовали все Тюдоры. Даже дяди и тети через три поколения, которых я видел от силы пару раз в жизни, вызвали зудящее желание случайно разлить на ковер бензин и выронить из пальцев сигарету.

Бум.

Шикарное завершение вечера.

Я вошел в главный зал, где для абсурдной помпезности не хватало только королевского трона, и окинул гостей беглым взглядом.

Они собрались здесь сегодня не просто так. Моя дорогая

матушка праздновала день рождения, поэтому порхала по залу, как фея-крестная из «Золушки».

Только она была далеко не такой милосердной.

— Ты опоздал.

Медленно глотнув бурбона, я перевел взгляд на отца.

Золотистые волосы практически полностью поседели, глубокие морщины от того, что он ежедневно хмурился, испещряли осунувшееся лицо, а из глаз пропала тяга к жизни.

Пятьдесят лет не красили его. Он остался таким же статным и величественным, как в моем детстве, но я давно перестал робеть перед ним.

— Работа. — Я пожал плечами. — Если ты не заметил, мне нужны деньги.

— Не делай из меня дурака, Алистер, — ответил он острым, как лезвие, тоном. — Тебе не нужно подрабатывать в какой-то академии, чтобы обеспечивать себя. Возвращайся в Лондон и управляй компанией, которую я построил.

Пальцы крепче сжали стакан.

— Мне не восемнадцать, чтобы исполнять твои приказы, отец.

Винсент Тюдор всегда был человеком, нетерпящим отказов. Если с его мнением не соглашались, ты автоматически становился врагом. Именно это произошло со мной, когда я узнал правду об исчезновении Серафины и том, чем занимаются отец с матерью.

Я стал врагом, от которого решили избавиться.

И сейчас они беспокоились, что я вернулся.

— Не мешай моим планам, Алистер. — Голос Винсента стал тихим и жестким. — Ты образованный, амбициозный, не по годам взрослый мужчина. У тебя есть всё, чего нет и у четверти Англии. Деньги, карьера... Невеста, о которой мечтает весь город... — На этом слове рот наполнился пеплом. — Но помни, сын: в один день этого может не стать.

— Это угроза?

— Обещание, — натянуто улыбнулся он. — Некоторым пора прекратить быть самонадеянными детьми и поблагодарить за предоставленную возможность стать чем-то большим. Ты вспомнишь мои слова, когда от тебя отвернутся все, кроме семьи.

— С годами ты становишься всё поэтичнее.

Даже если бы Винсент действительно мог лишить меня всего, что я построил за десять лет, ему бы не удалось остановить меня.

Он не знал, что мы с Дэмиеном и еще одним человеком совсем недавно обналичили мой трастовый фонд, чуть не угодив за это в тюрьму, но воспользовавшись серьезными связями, после чего запустили переоформление лондонского ответвления компании на меня.

Что стало для меня настоящим открытием, так это загородная психиатрическая больница, которая, оказывается, также принадлежала моему отцу. Когда я узнал об этом, в голове сразу же вспыхнула лампочка.

Всё складывалось в идеальную картину.

Получи и распишись, папочка.

— О, мой дорогой сыночек! — раздался за спиной женский щебет. — Дай обниму тебя! Боже, как же ты вырос...

Гости повернулись на звук, когда мама подлетела ко мне, сверкая лицемерной улыбкой. Если бы я не знал настоящее лицо этой миловидной женщины, то тоже поддался бы ее чарам.

Обняв Мюриэль за плечи, я протянул ей пакет от «Tiffany».

— С днем рождения.

— О, дорогой, не стоило. — Она промокнула носовым платком слезу, которой не было, и заглянула в пакет. Ее наигранная улыбка дрогнула. — Ох, это же то самое кольцо, о котором я мечтала! Николас, только посмотри на него!

По одному взгляду я понял, что ей плевать. И на кольцо, и на меня.

Видимо, у нее такое уже есть.

Меня тошнило от всего происходящего: наигранного смеха матери, жеманной улыбки отца, пристальных взглядов гостей, что наблюдали за воссоединением Тюдоров.

Но окончательно меня затошнило, когда к нам присоединился Николас.

— Мальчики, встаньте на семейную фотографию! — воскликнула мама.

Наверное, я единственный думал о том, что семейной эта

фотография никогда не будет. Не только потому, что мы не были связаны истинными родственными узами и просто подерживали образ, но и потому, что здесь не хватало одного человека.

Человека, который умер из-за них.

Всех, кто находился в этом городе.

— Добрый вечер, братец, — насмешливо протянул Николас, встав ко мне плечом к плечу и поправив галстук. Само слово «брат» вызывало у него отторжение. Впрочем, как и у меня. — Чего не заглядываешь домой? Мы чем-то тебя расстроили?

Я принял расслабленную позу и посмотрел на фотографа.

— Это место давно перестало быть моим домом.

Печально, что оно осталось им для тебя.

— Поэтому ты ничего мне не рассказываешь? Знаешь, это ранит меня до глубины души. Птичка нашептала мне, что твоя невеста тоже здесь. — Его губы изогнулись в ухмылке, а в глазах зажегся лукавый блеск. — Когда об этом узнает Таннери-Хиллс?

Я сохранял незаинтересованный вид, хотя внутри меня поднялась волна раздражения. И ярости — горячей, словно вулканическая лава, которая может превратить в руины целые города.

— Это не твое дело, Николас.

— Почему же? Мой любимый брат женится и даже не собирается познакомить меня с невестой? Хотя подожди... —

Он по-лисьи оскалился. — Я же вижу ее в академии каждый день.

Послышался звук вспышки. Фотограф показал большой палец, и мама захлопала в ладони от радости.

Было бы легко выхватить с подноса того официанта нож и пропороть горло каждому по очереди. Сначала одному Вершителю, затем другому, а потом той, что управляет аукционами и добровольно продает людей для чьих-то извращенных утех.

Повернувшись к Николасу, я выгнул бровь.

— Уверен, что хочешь обсудить это?

— А почему нет? Мы же так давно не виделись. Я думал, ты и сейчас будешь бегать за мной, как собачка, которую недолюбливали, — хихикнул он. — Тяжело быть бельмом на глазу, правда?

— Правда.

Как по команде где-то вдалеке раздался мощный взрыв.

Гости закричали от неожиданности и страха, когда хрустальная люстра под потолком задребезжала. Отец мгновенно ринулся к охране, а мать испуганно вцепилась в платье.

И только я смотрел на Николаса, даже не пытаясь скрыть улыбки.

— Что ты сделал? — прорычал он.

Пожав плечами, я посмотрел на наручные часы.

— Кажется, тебе стоит проверить свое имущество.

— Николас! — рывкнул отец из другого конца зала. —

Твоя машина! Кто-то взорвал ее!

Ублюдок напротив раздул ноздри от ярости и бросился на меня, но я резко перехватил его запястье, вывернув под таким углом, что он захныкал от боли.

Господи, и они взяли его в общество? Из него такой же Вершитель, как из меня балерина.

— Не стоит связываться со мной, *братец*, — придвинувшись вплотную, прошептал ему на ухо. — Я не забыл, как ты относился к Серафине. Не забыл, как ты радовался ее исчезновению. Советую сходить в церковь и исповедаться, иначе даже дьявол не поможет тебе в аду.

Резко оттолкнув меня, Николас поправил пиджак и скрипнул зубами.

— Пошел ты, сукин сын.

— Я такой же сукин сын, как и ты. — Я отсалютовал ему стаканом бурбона. — Спасибо мамочке Тюдор.

Он пулей вылетел из зала вместе с отцом, а Мюриэль принялась успокаивать взволнованную толпу. Я отправил сообщение Дэмиену и Тесс, поблагодарив их за эффектное начало вечера.

Настроение мгновенно улучшилось.

Спустя несколько минут гости, успокоившиеся после взрыва, снова вернулись к танцам и напиткам.

Кто-то подошел ко мне со спины, коснувшись плеча.

— Мистер Тюдор? Кажется, ваша мать ждет от нас танец.

Услышав этот голос, я сжал пальцами переносицу и раз-

вернулся к девушке.

— Почему в бочке меда обязательно должна быть ложка дегтя?

Изабель де Кастро фыркнула, отбросив с лица огненный локон.

— Спасибо за оскорбление. Я тоже не особо поддерживаю этот союз, но хотя бы сделай вид, что рад моей компании. Меня потом точно никто не возьмет замуж.

— Уже готовишься к нашему разводу?

Ее глаза хищно сощурились.

— Ты пообещал мне сделать это на следующий же день после свадьбы.

— И я сдержу свое слово.

Возращение в Таннери-Хиллс сделало мою жизнь чертовски, блядь, сложной.

Пару-тройку лет назад наши с Изабель отцы заключили соглашение, из-за которого мы оказались в этой дерьмовой ситуации.

Почему де Кастро из банкрота вдруг превратился в директора академии? Почему его, виновного в убийстве жены, отмазали от тюрьмы, а потом и вовсе открыли доступ на аукцион Круга?

Спасибо Винсенту Тюдору.

Мой отец был стратегом, для которого жизнь — шахматная доска. Он управлял людьми в угоду личным целям, бросая пешки на съедение королям, даже если ими были его

близкие люди.

Например, мы с Серафиной.

Лоренс де Кастро получил от этого соглашения всё, но и Винсент не остался ни с чем. В его руках было главное — общественное признание. Все знали, что Изабель вышла из низов, а добросовестные Тюдоры подарили ей, как и Лоренсу, новое будущее.

Это только укрепило положение Винсента и Мюриэль. Каждый их шаг был просчитан наперед, именно поэтому никто не мог объявить им войну. Король и королева Таннери-Хиллс властвовали на таких же правах, как и глава городского совета, Ричард Ван Дер Майерс, положение которого после нападения стало весьма шатким.

Круг пытался убрать его. И у них это почти получилось.

Изабель положила ладони мне на плечи, а я обнял ее за талию, отметив, как она едва уловимо вздрогнула.

— Единственное, что мне понравилось этим вечером — те канопе с виноградом и сыром, — пробормотала себе под нос.

Из меня вырвался тяжелый вздох.

— Не могу не согласиться с тобой.

— Это ты взорвал машину Николаса?

— Какого Николаса?

— Так и думала. — Изабель хмыкнула, и я закружил ее под плавную музыку, уловив одобрителный взгляд матери.
— Господи, они могут так не смотреть на нас? Боюсь пред-

ставить, что будет, когда отцы расскажут о помолвке.

— Может, этого не случится.

Она моргнула, и в ее изумрудных глазах зажглась надежда.

— Ты что-то придумал?

Я собирался рассказать ей обо всем при личной встрече, но знал, что она не отвяжется от меня. Брачное соглашение тяготило ее так же, как и меня.

— Держи это при себе, иначе вы с Эммой пострадаете, — тихо ответил я, придвинувшись ближе. — У нас есть кое-какие мысли, но...

— Господи, наконец-то!

— Если будешь орать на весь зал, ничего не получится.

Она нахмурилась.

— Прости.

Свадьбу стоило расторгать только тогда, когда у каждого из нас будет устойчивая почва под ногами, иначе удар придется по Изабель и Эмме. Девчонка Карлтон автоматически попадала под огонь, будучи игрушкой Лоренса.

Весь танец я пересказывал план, который так долго разрабатывал. Изабель внимательно слушала и понимающе кивала. Пару раз ее глаза в неверии расширились, напомнив блюда.

— Нет, Алистер. Вы не можете поступить так с Эммой.

— Лучшего варианта не будет.

— Но... Черт возьми, — прошипела Изабель. — Она убьет

меня, когда поймет, что я была в курсе.

— Или поблагодарит за спасение.

О девушке, которую выкупили на аукционе, мне рассказал Лучиано. Удивительно, что Эмма Карлтон была связана с моей будущей невестой. При идеальном раскладе мы спасем и одну, и вторую.

— Хорошо, — кивнула Изабель и сжала губы в плотную линию. — Но тебе стоит кое-что знать.

Я вопросительно наклонил голову.

— Дарси, Леонор, Алекс и Джереми тоже знают о происхождении. И эта... Татум Виндзор, которая перевелась из Синнерса. — Она сморщила нос, отвернувшись от меня, поэтому не заметила моего заинтересованного взгляда. — Отличная замена, ничего не скажешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.